

Алексей
МЕЛЬНИКОВ

УВЯДАНИЕ ПОЛИТИКИ

И

ВОССТАНИЕ КУЛЬТУРЫ

*Моему дяде,
Александр Васильевичу Козлову,
привившему мне интерес к политике*

*Дедушке Васе,
образ которого для меня
с детства связан с уверенностью власти*

Центр
экономических
и политических
исследований
(«ЭПИцентр»)

Алексей
МЕЛЬНИКОВ

УВЯДАНИЕ ПОЛИТИКИ

И

ВОССТАНИЕ КУЛЬТУРЫ

Москва
«ЭПИцентр»
2011

УДК 323.2
ББК 65.9 (2 Рос)
М48

Художник А.В. Андреев
Редактор Ю.А. Здоровов

ISBN 978-5-85691-075-8

Мельников А.Ю.

М48 Увядание политики и восстание культуры. —
М: «Эпицентр», 2011. — 112 с.

«Увядание политики и восстание культуры» — сборник статей Алексея Мельникова, опубликованных в 2010—2011 годах на ведущих электронных ресурсах России (Газета.ру и «Эхо Москвы»). Известный публицист обсуждает злободневные темы российской общественной жизни.

Книга предназначена для широкого круга читателей.

УДК 323.2
ББК 65.9 (2 Рос)
ISBN 978-5-85691-075-8

© Мельников А.Ю., 2011
© Никулин А.М., предисловие, 2011
© Андреев А.В., художественное оформление, 2011

ОГЛАВЛЕНИЕ

Александр Никулин. Диагноз нашему времени
7

УВЯДАНИЕ ПОЛИТИКИ

Мы не догоним	10
Крепостные Куршевеля	15
Отдайте ваши денежки	20
Переименовался и порядок	27
Улыбка Березовского	31
Закон против народа	38
Вначале был Лужков	45
«Шамиль! Шамиль!»	49
В ожидании благодетеля	53
Невозможно не украсть	58

Сделайте нам богато

64

Рождение, жизнь и смерть
«государственной компании»

71

Грабь, Британия!

76

ВОССТАНИЕ КУЛЬТУРЫ

У польской стены

85

Эстетика киоска

87

Ценность Шевчука

92

Моя любовь в 60-х

95

Ценность мимолетности

97

Прощание с киношной

99

Запахи времени

102

Восстание культуры

106

ДИАГНОЗ НАШЕМУ ВРЕМЕНИ

Автор этой книги — экономист и историк, политик и публицист — Алексей Юрьевич Мельников в представленной коллекции своих эссе дает точный и глубокий диагноз времени нами переживаемому. Увядание политики и восстание культуры — суть диагноза, вынесенного в заголовок книги.

Однако не перепутал ли автор понятия? Нашим уху и глазу более привычно: «восстание» в политике, «увядание» в культуре. Но в том-то и заключается парадокс нашего времени, что в нем произошли удивительные сдвиги, то самое смещение масштабов, о котором упоминал В.Т. Шаламов и про которое пел В.С. Высоцкий: «Дескать, какая-то мразь называется Правдой, Ну а сама пропилась, проспалась догола». В такие времена возможны самые невероятные смещения этических, эстетических и властных черт общественной жизни...

Книга состоит из двух частей. Первая часть посвящена политике, вторая — культуре. Во всей книге от заголовка до каждой страницы запечатлена афористическая способность ее автора развивать и подтверждать свое видение событий, происходящих в стране.

Например, изначальный текст «Мы не догоним», упоминающий про новейшие попытки правящей власти включиться в современную гонку конкуриру-

ющих модернизаций, заканчивается выводом: невозможно никого догнать и перегнать, если топтаться исключительно на месте, а именно в такой топтании и заключается одно из главных искусств современной отечественной политики.

Размышление о политике невозможно без анализа конкретных имен ее персонажей, а также ее ключевых институтов и проектов. В книге Алексея Мельникова краткие, но емкие характеристики бывших и нынешних руководителей страны, олигархов, градоначальников, а также истории их различных частно-государственных партнерств от Москвы (Сколково) до самых до окраин (Сахалин) наглядно демонстрируют, кто в стране хозяин, и как он проходит по ее необъятным просторам.

Тем не менее, общее впечатление от первой части книги заключается в ощущении ускоряющегося обезличивания (деперсонализации) лиц и рассеивания (разбазаривании) пространств политикоэкономической жизни России. Отдельные фигуры колоритных временщиков тонут в иерархическом коловращении серых мышей российской бюрократии, копошащихся и размножающихся вокруг труб из нефтегазовых болот. Увядание прогрессирует.

Именно против него восстает наша культура. Начинается такое восстание с поэтизации памяти. Политик

Мельников во второй части своей книги превращается в поэта, шествующего путями Марселя Пруста. Со страницы на страницу знаки памяти, дорогие человеческим сердцам, щемящей надеждой наполняют окружающую нас реальность: польская гвоздика, московские киоски, музыка Шевчука и Цоя, люди и предметы из 1960-х, кино про войну, воспоминания бабушек, живопись русских и армянских мастеров, — весь этот поток авторского культурного сознания пронизан значением ценности человеческого достоинства. А основное достоинство человеческой культуры заключено в ее способности к восстанию.

Александр Никулин

МЫ НЕ ДОГОНИМ

Двадцать лет неудачных реформ, пропагандистской лжи, воровства, коррупции, «утечки мозгов» лишили Россию возможности развиваться, конкурируя с другими странами. Наш удел гнить дальше, продавая единственное, что у нас еще берут, — нефть и газ.

Длительные посещения российскими чиновниками Соединенных Штатов обычно способствуют если и не принятию разумных решений, то прояснению в державных головах. Выветривается из мозгов всякая муть о российской экономической мощи, действительности отечественного «капитализма закадычных друзей», и приходит понимание отсталости, в которой пребывает Россия. Интересно, испытал ли нечто подобное президент Медведев во время своего визита в Америку? Впрочем, какими мыслями проникнется президент и что он будет делать, пожалуй, безразлично. Перемены не случатся...

Иной раз аналитикам кажется, что у российской экономики есть одна характерная черта — низкий уровень конкуренции. Представляется, будто решение просто — сократите вмешательство властей, либерализуйте инвестиционное законодательство, президент Медведев. Заработает конкуренция. И вот он — мотор экономического роста. Не выйдет.

Конкурентная экономика невозможна там, где права собственности нарушаются. Можно ли создать в России устойчивую систему частной собственности, обеспеченную правовой системой? Сомнительно.

Частная собственность как решающий фактор экономического развития в стране отсутствует. Она заменена собственностью чиновной, которой владеют «государевы люди», готовые в случае необходимости «машинно, людно и оружно» защищать свои права.

Объектом предпринимательства чиновного класса являются государственные бюджеты, а также все то, что обычно считается частной собственностью. Россия — их собственность. В нашей экономике все этим пронизано. И не стоит заблуждаться, когда кто-то живет спокойно и зажиточно. Значит, устойчиво платит, делится. Не хочешь платить? Не пустим на рынок.

Чиновная собственность условна — владеешь, пока принадлежишь к корпорации. Это ненадежно. Поэтому совершенно естественно, что чиновники через доверенных лиц создают бизнесы. Намертво прикрученные гайками к властным карманам, связанные трубами, по которым с шелестом перетекают деньги. Это и есть суть бизнеса по-русски.

За прошедшие 20 лет экономических преобразований в России народился класс «предпринимате-

лей», которые ничего собой не представляют. И если оторвать их присоски от бюджета — работать не смогут. Формально это частные собственники, но по сути кто? «Предприниматели» на особый манер, имеющие общее с настоящим бизнесом лишь в том, что ведут бухгалтерию и платят налоги.

Размышление над вопросом о возможном motore российских экономических преобразований приводит к пониманию, что конкурентной российской экономика может стать только в результате серьезного социального переворота. Но возможен ли он? Кто будет его движущей силой?

Слабый предпринимательский класс? Маловлиятельные либеральные политические партии? Правозащитники? Забитые профсоюзы? Пресса? Не стоит заблуждаться — таких сил сегодня нет. Положение только ухудшается.

При этом системная несостоятельность экономической политики нулевых очевидна. Идея так называемых «госкомпаний» и «стратегических предприятий» как моторов экономического развития, противопоставленная конкурентному порядку, провалилась. Спустя 10 лет все та же отсталость.

А что в политике? Может, власти способны изменить экономические отношения силой? Увы. Политическая система в России адекватна структурам,

сложившимся в экономике. Здесь то же чиновное за-
силье, связанное с экономическими отношениями и
бизнесом по-русски. Политика в России лишена са-
мостоятельности. Она не источник перемен.

Оптимизм противников того, что называют рос-
сийским авторитаризмом, на протяжении последних
лет подпитывался представлением, что когда-нибудь
цены на сырьевые товары упадут, существующая
система не сможет выполнять свои социальные обя-
зательства и рухнет, уступив место политическим и
экономическим порядкам европейского образца. Эти
надежды тщетны.

Никакое сокращение доходов, поступающих чи-
новной системе, не приведет к ее изменению. Уро-
вень воды в болоте понизится, появится новая тина,
но само болото не превратится в полноводную реку.

Это неизбежная плата за прошлый век, за унич-
тожение в годы гражданской войны и последующие
годы того чернозема из людей и институтов, который
был с трудом выработан процессом вековой росси-
йской эволюции. Плата за превращение людей в стра-
не в стадо государственных рабов и по социальному
положению, и по образу мыслей. Осталась пустыня.
В ней выросли колючки.

Наша страна обречена. Возможности развиваться,
конкурируя с другими нациями, потеряны. Времени

«догонять и перегонять» больше нет. Наш удел — гнить дальше, продолжать оставаться сырьевой колонией, из которой «газпромы» и «роснефти» будут качать в Европу и Китай нефть и газ. Концерты и парады на Красной площади будут проходить до самого конца в полном порядке. Некоторые экономические оазисы будут орошаться деньгами.

«Сколково» — символичное имя. Скол, осколок от настоящей конкурентной экономики, создать которую россиянам не дано.

Мы никого не догоним и не перегоним. Потому что бегаем исключительно на месте...

Газета.ру, 29 июня 2010 года

КРЕПОСТНЫЕ КУРШЕВЕЛЯ

Формула модернизации от олигархов: гражданам должно работать побольше, получать поменьше и не роптать, получив приказ об увольнении без компенсаций.

Основным политическим конфликтом современной России обычно называют противостояние гражданского общества и коррумпированного государства. Последнее выступление Михаила Прохорова, огласившего позицию РСПП в отношении трудового законодательства, напомнило о том, что есть и другой, не менее серьезный конфликт. Имя ему — открытое социальное противостояние. Между бизнесом и наемными работниками. Значение выступления РСПП огромно. Пожалуй, впервые за последние годы обществу откровенно демонстрируется, что у большого бизнеса есть свои интересы. Отличные как от «государственных», так и от «социальных».

Это в хмельные «нулевые» большой бизнес наряжался в одежды чиновного патриотизма, а лицо его на публике расплывалось в улыбке «социальной ответственности».

Теперь маска сброшена. Экономика топчется на месте. А свое потребление урезать очень не хочется. И кто же за него должен заплатить? Разумеется,

трудящиеся. Чего хочет большой бизнес, понятно. В красиво украшенную коробку с надписью «Человеческий капитал как средство модернизации экономики» положено простое содержание. Желают увольнять людей проще, быстрее и с урезанными компенсациями. Большому бизнесу хотелось бы также, чтобы граждане больше работали и получали меньше льгот.

Большой бизнес не единственный, кто желает залезть в карман гражданам. Более влиятельная корпорация чиновников, связанная с так называемыми «государственными компаниями», может посоревноваться с крупными бизнесменами в способности выуживать у людей деньги. С помощью, например, растущих тарифов ЖКХ. Однако чиновники сегодня хотя бы делают вид, что стремятся сдержать рост тарифов, убрать какие-то крайности. Но с модернизаторами человеческого капитала дело обстоит иначе. Здесь из-под куршевельского лоска видна все та же лихость бандитского капитализма.

Для того чтобы в период растущего социального напряжения додуматься до декларации ужесточения трудового законодательства, нужно обладать совершенной политической безголовостью. Вряд ли подобные декларации смогут легко воплотиться в закон. Во всяком случае, если у правящей группы есть чувство

самосохранения. Если же ужесточение трудового законодательства все же будет иметь место, то единственным возможным способом гасить социальные конфликты будет «ручное управление». Когда закон есть и уволить можешь, но только попробуй. В любом случае нестабильность системы возрастет.

Если перевести разговор с языка примитивно понимаемых частных интересов на язык общественных потребностей, то это, между прочим, очередные «грабли». Называются они модернизацией экономики за счет снижения уровня жизни людей. И ведь проходили это уже в 90-е годы. Был достигнут какой-то значимый результат? Отчего же нельзя пойти по другому пути, не трогая болезненные трудовые вопросы и добиваясь общей либерализации экономики? Ведь здесь есть большие резервы, и последовательно проводимая линия на повышение конкуренции может сделать для модернизации экономики гораздо больше, чем опасные попытки превращения граждан в говорящие орудия труда.

Или же классовый инстинкт толкает бизнес к тому, чтобы, воспользовавшись авторитарной формой власти, как можно больше оторвать у пока еще слабого профсоюзного движения? Протолкнуть через парламент-фикцию и улыбчивого президента, говорящего о модернизации, то, что годами будет приносить

миллиарды? Не гарантируя, между прочим, никакого серьезного обновления экономики. Последнее, пожалуй, больше похоже на правду.

Мысли у нашего большого бизнеса напоминают коротенькие мысли Буратино, и, в общем, он всегда готов рискнуть. В условиях, когда есть уверенность, что можно опереться на власти.

Открытая атака на трудовое законодательство лишней раз заставляет почувствовать тот вакуум, который существует в российском обществе в связи с отсутствием влиятельного профсоюзного движения. И сильной политической партии, опирающейся на профсоюзы и отстаивающей социал-демократическую политическую программу. Возможна ли модернизация современного типа без существования таких сил? Вероятно, если говорить о создании общества, подобного современным западным демократиям, невозможна.

Потому что цель обновления — это не только экономика, способная производить быстро меняющийся и растущий набор благ и услуг. Это достижение достаточно высокого социального уровня жизни граждан. Как раз выступающих потребителями этих благ и услуг, имеющих стимул их производить. Необходим определенный баланс. Но он возможен только тогда, когда граждане охраняются силовыми линиями поли-

тики, защитниками общего интереса — профсоюзами и гражданскими партиями. Если же влиятельных профсоюзов и социал-демократических партий нет, то получается как у нас сегодня, когда лица в бриллиантовых запонках и золотых ботинках со знанием дела решают, как там простому человеку жить и трудиться. Во имя великих целей и чужого кармана.

Газета.ру, 16 апреля 2010 года

ОТДАЙТЕ ВАШИ ДЕНЕЖКИ

Взрыв ли на шахте, засуха на полях — лоббисты обязательного страхования тут как тут. Над дымящейся и покореженной шахтой, над выгорающими полями с клетотом начинают кружиться стервятники страхового бизнеса. Взорвется буровая платформа — для страховщиков радость. Еще бы! Можно использовать как предлог для того, чтобы обязать нефтегазовые компании страховать вышки. Есть и «золотая мечта» — обязательное страхование жилищ граждан. Чтобы уж совсем ничего не делать, устроив страховое казино. Им чем больше видов обязательного страхования, тем гарантированнее «бизнес» — собирай деньги и сиди, положив ноги на стол. Если же случится «страховой случай», то страховщиками будут приложены все возможные усилия для того, чтобы не платить. Это и есть страховой бизнес по-русски. Его суть — злоупотребление доверием.

Страховой бизнес в условиях России представляет собой узаконенное мошенничество. Когда в стране процветает массовое бесправие и коррупция, а выбор властей не зависит от граждан, сделки с институтами, берущими деньги сегодня и обещающими возместить ущерб завтра, превращаются в лотерею для тех, кто эти деньги дает.

Что же, собственно, покупают граждане? Какую услугу? Это ведь не покупка в магазине, где товар можно посмотреть, потрогать и в случае, если что-то не нравится, не покупать или же вернуть после покупки, забрав деньги обратно. В случае со страховым бизнесом по-русски «что упало, то пропало». Отдал денежки и прощай. Здесь деньги платятся в надежде на то, что, может быть, страховое возмещение будет выплачено. Наивен тот, кто думает иначе.

Приведу гипотетический пример. Вообразим крупную российскую страховую компанию и назовем ее, скажем, «Реверанс-Надувание». Что хорошо умеет делать эта компания, с точки зрения гражданина? Только одно — исправно напоминать в конце срока действия страхового договора, что клиент должен принести «Реверанс-Надуванию» деньги и заключить договор на будущий год. Здесь она работает с точностью швейцарских часов. Вам звонят обычно рано утром и напоминают, что договор истекает. Не прячьте ваши денежки, владельцам страховой компании нужно обновить яхту.

Что еще умеет делать эта компания? Она умеет при наступлении страхового случая тянуть время выплаты, вынуждая своих клиентов жить в квартире с протекшим потолком (в случае если застрахована квартира) и ездить пару месяцев на ободранной ма-

шине (если застрахована машина). Технология работы в нашей гипотетической фирме «Реверанс-Надувание» устроена таким образом, что на телефоны посажены сотрудницы-попугаи, способные только повторять клиенту как автоматы на все его возражения против действий компании, что «это противоречит правилам страхования». Отдел контроля качества услуг в этой фирме, созданный за деньги клиентов, предназначен для того, чтобы объяснять клиенту, что он не прав, а вот «Реверанс-Надувание», берущее деньги и отказывающееся быстро и эффективно выполнить свою работу — заплатить возмещение, всегда в своем праве.

Если клиент захочет позвонить в отдел урегулирования убытков, то в «Реверанс-Надувании» ему объяснят, что связи с этим отделом нет, т. к. у этого отдела нет телефонов. При этом вам запросто могут соврать по телефону и затем при встрече отказаться выполнять то, что пообещали. Потому что в нашей компании «Реверанс-Надувание» обманывают телефонные сотрудницы-попугаи, а отказывают сотрудники отдела урегулирования убытков, лишенные телефонов. В общем, понятно, почему система устроена таким образом. Будь она устроена иначе, при практике работы «Реверанс-Надувания» менеджеры этой компании постоянно сидели бы на телефонах, отби-

ваясь от обманутых компанией клиентов. Для того и нанимают сотрудниц-попугаев.

Сколько раз страховался в этой компании клиент, каков размер страховки и является ли он VIP-клиентом, для «Реверанс-Надувания» значения не имеет. Подход ко всем один. Собственно, если это VIP-клиент, то больше оснований его мурыжить, добываясь от него различного рода справок и выполнения мелочных требований со ссылками на то, что этого требуют «правила страхования» и даже «внутренний регламент компании». Авось этот богатый клиент махнет рукой и сам возместит ущерб.

Для страхового бизнеса по-русски клиент является человеком только в тот день, когда он несет в «Реверанс-Надувание» деньги, во все остальное время года он подозреваемый в совершении преступления — в попытке увести у страховщиков деньги.

Нет более страшного преступления для страховой компании, чем обращение клиента за возмещением.

И если, скажем, вандалы отодрали на машине зеркало, то вы обязаны самостоятельно добиться возбуждения уголовного дела, затем закрытия этого уголовного дела, и только тогда (обычно месяца через полтора после события) «Реверанс-Надувание» соизволит в течение примерно 15 рабочих дней (три недели) рассмотреть случай подозреваемого в совер-

шении преступления клиента. Вытребовав, разумеется, автомобиль клиента к себе в офис, придирчиво осмотрев авто (милиции ведь веры нет) и потребовав справки из милиции, а также такие важные для принятия решения о возмещении документы, как оригинал договора клиента и квитанцию об оплате договора. А вдруг клиент свой экземпляр договора потерял? Тогда можно еще потянуть время, ссылаясь на «обязательный набор документов» и потребовав от клиента восстановления договора, который он возьмет у того же «Реверанс-Надувания», чтобы потом ему же и предъявить в бумажном виде...

Но если вдруг милиция не заметила какого-то небольшого повреждения и вы укажете на него сотрудникам «Реверанс-Надувания», то тотальное неверие милиции немедленно перейдет в экстастическое почитание буквы возбужденного уголовного дела. Раздел этого дела о нанесенном ущербе немедленно превратится в священные писмена, обязательные для «Реверанс-Надувания».

Что можно противопоставить подобному целенаправленному мошенничеству страховщиков? Лучший выход для граждан — не страховать вообще. Выгодней положить деньги на депозит в банк. В случае необходимости можно использовать эти средства для того, чтобы возместить свой ущерб самостоятельно.

Наказать страховых мошенников рублем. Чем меньше у них будет денег, тем больше оснований полагать, что они будут бороться за клиента, удовлетворять его запросы — снижать тарифы, менять практику своей работы, вести честный бизнес.

Другой выход заключается в отмене обязательного для граждан страхования, в первую очередь ОСАГО. После мошенничества страховщиков, добившихся в условиях коррумпированного российского государства утверждения законом положения, в соответствии с которым возмещение выплачивается исходя не из рыночных цен, а из придуманных наперсточниками коэффициентов, остается только отменить этот вид обязательного страхования, сделать его добровольным. Беспремерные по наглости заявления страховщиков, что судебные решения, заставлявшие многочисленные «реверанс-надувания» возмещать гражданам ущерб исходя из рыночных цен — это «обогащение за счет страховой компании», должны быть наказаны. И здесь существует только один способ — поддержка на предстоящих выборах в Госдуму России тех партий, которые включают в свои программы ясные обязательства провести в страховое законодательство поправки, защищающие права граждан.

Кто-то желает играть с мошенниками из страховых компаний? Отлично. Но делать такую игру обязательной для всех нет оснований.

Страховка — это не налог, и никакое государство не имеет права заставить гражданина в обязательном порядке нести свои деньги страховым наперсточникам.

Они бизнес? Вот пусть и крутятся, вытирая пыль с ботинок клиентов.

Газета.ру, 21 июля 2010 года

ПЕРЕИМЕНОВАЛСЯ И ПОРЯДОК

Тема переименования глав субъектов федерации и региональных парламентов является логичным этапом эволюции вертикали власти, созданной в нулевые годы. Налицо признак старения.

Как бы ни пытались затейники переименования создать впечатление, что идея пришла из Чечни, от Рамзана Кадырова, анализ сообщений информационных лент говорит о том, что шар запущен в Кремле.

«Чеченский след» призван создавать ложное впечатление, будто бы импульсы в вертикали идут не только от макушки к основанию, но и обратно — от гнилых корешков к подгоревшим вершкам.

Это обычный способ функционирования того типа демократии, который существует в России. Время от времени властям необходимо вовлекать массы в ничего не решающие общенародные обсуждения законов, проводить фальсифицированные социологические опросы, показывать одобрение гражданами властей в ходе организованных шествий, имитационных выборов или же любовь людей к вождю в ходе постановочных телеэфиров. Это, так сказать, родовая черта режима, его декорации и фейерверки.

Между тем наблюдающийся сегодня уход от решения ключевых проблем, в частности, говорит о

нарастании внутренних проблем вертикали, о потере динамики, о неэффективности сформированных институтов. Последний пример — неспособность системы в борьбе с российской экологической катастрофой — лесными пожарами. В равной мере это относится буквально к любому начинанию властей за истекшее десятилетие — от реформы армии и административной реформы до реформы судебной и образовательной систем и отделения бизнеса от власти. Везде провалы, неудачи и поражения — не просто сохранение на прежнем невысоком уровне, но очевидное ухудшение. А все вместе — тотальное сползание вниз.

Теперь, пожалуй, и думающие сторонники курса на создание вертикали, в начале нулевых годов с одобрением относившиеся к предлагаемым рецептам, находятся в смущении. Потому что среди мыслящей части общества все более общим становится убеждение: вертикаль, кроме как заниматься подхалимажем и пусканием пыли в глаза начальству, обворовывать страну и отзывать деревянным эхом на крики сверху, ничего не умеет.

Источившая первоначальный импульс, теряющая ресурсы, не обладающая внутренними силами для действительных реформ, потерпевшая стратегическое поражение, деморализованная, разлагающаяся в неронов-

ской роскоши вертикаль, в соответствии с внутренней логикой эволюции, двинулась по двум направлениям.

Первое — уход в мир иллюзий, увлечение постановочными телевизионными картинками, бодрящим убеждением, что «все не так плохо» и «авось как-нибудь сложится». Второе направление — увлечение частностями, орнаментальными украшениями. Если уж ничего не получилось в главном, то надо же добиться успеха хотя бы в немногом.

Соображения о переименованиях милиции в полицию, президентов регионов в их глав, сколковский оазис вместо создания благоприятного инвестиционного климата происходят именно из этого стремления добиться хотя бы чего-нибудь. И первое, и второе направления фрагментации вертикали существуют вместе, друг друга подпитывают и поддерживают, формируя внутри системы картину тотального самообмана и совершенного, законченного цинизма. Живет в ней и параноидальный страх, о чем говорит недавнее расширение полномочий ФСБ, его дальнейшее наделение функциями политической полиции.

Между тем страхи системы преувеличены. Положение беспросветно именно потому, что за истекшие 19 лет гражданская политическая оппозиция маргинализирована, превращена в периферийное, ничего

не значащее явление. Она сведена до роли карикатурного пугала.

Поэтому о смене системы, о замене накопившейся во власти гнойной массы говорить не приходится.

И удел страны, похоже, гниение и последующий развал вместо освежающих перемен.

Лучше Высоцкого не скажешь: «Живет больное все бодрей, все злей и бесполезней — и наслаждается своей историей болезни». Осень вертикали — закат России.

Газета.ру, 16 августа 2010 года

УЛЫБКА БЕРЕЗОВСКОГО

Задачей истинной политической модернизации в России является вовсе не «удаление чекистов из власти» или же абстрактное изменение правил выборов и функционирования средств массовой информации. Ключевой вопрос — снижение уровня концентрации власти.

Среди российских граждан, протестовавших в Лондоне у посольства нашей страны против нарушения Конституции, появился невысокий человек с умным лицом. В хорошо сшитом костюме и без галстука. Без улыбки на лице. Он скромно стоял в волнуемой толпе, держа над головой плакат: «Я тебя породил, я тебя и уйму». Это был Борис Березовский.

Образ очень яркий. Так же и двадцать пять лет назад коммунистическая номенклатура, уставшая от оков гнившего коммунизма, скромно стояла за спиной «борцов с режимом». За всеми этими лохматыми диссидентскими движениями с папиросами в зубах и разговорами на кухнях, пошедшими в политику буйными научными сотрудниками, романтическими рокерами. За спиной массовой беспокойной протестной волны. И вместе с тем, как рушился старый мир, номенклатура, включив в свои ряды карабкающихся наверх ловкачей, прибирала к рукам ресурсы и возможности.

Она тайно желала разрушения старого порядка, сердцем была вместе с бунтарями и даже помогала им. Она шла той же дорогой, но в другом направлении. Храня в тайне свои истинные цели. А протестные стада были для нее массами полезных идиотов. Деревянными палками, с помощью которых из золы достается печеная картошка с золотым отливом.

И, как только бурная приливная волна потеряла силу, растекалась по норкам частной жизни, ушла в песок конформизма, оставив наверху пузырящуюся пену разрушительных перемен, обнажился холодный остаток. Выяснилось, что власть в России принадлежит немногим, носит олигархический характер. Случилось это даже не после октября 1993 года, а непосредственно за августовскими событиями, в период «августовской республики» — политического безумия 1992 — 1993 годов. И дальнейшая политическая история 90-х — это постепенное освобождение от налета плебейской копоты второй половины 80-х все той же явственно олигархической природы российской власти. Это формирование такой политической системы, где на одном полюсе кристаллизуется экономическая или же политическая олигархия, а на другом царит распад.

События конца 90-х вовсе не являются в этом смысле переворотом, началом уничтожения либерально-де-

мократического порядка. Его никогда в России не существовало. Была лишь смена элиты в рамках одной и той же олигархической модели власти.

В 90-е годы экономическая олигархия хотела получить от власти ресурсы и стать от нее независимой. Она тоже знала период идеализма. На свой, конечно, лад. Но довольно скоро поняла, что жить вместе с властью очень даже интересно. Потому что власть, контролируемая немногими, удобный инструмент для эксплуатации всех остальных. В этом и есть смысл переизбрания олигархией Ельцина в 1996 году. Выбирали для себя.

Но если экономические властители 90-х действовали как бы со стороны, превратившись в эту самую рыбу-прилипалу под брюхом неторопливо плывущей акулы, то олигархия путинских нулевых сама пожелала стать акулой. Родив стаю голодных детенышей с бесцветными глазами и бездонными желудками, готовыми хватать то, что не доедено злой мамашей. Рыбам-прилипалам стало несладко, им меньше стало доставаться, изо рта у них стали выхватывать куски.

Ключевой конфликт современной российской политики — это вовсе не «борьба народа и власти». Но это, конечно же, борьба за власть. Только между крупными экономическими игроками и бизнес-элитой, слившей в один коктейль государство и свой бизнес.

Конфликт этот не является, за некоторыми известными и хорошо объяснимыми исключениями, открытым. Он носит тлеющий характер. Причина в том, что система «государство как бизнес» еще сильна, выступать против нее опасно. Но объективно существующее противоречие, которое в массовом сознании часто осознается с помощью формулы «чекисты против бизнеса», существует. Все более актуальным его делает обнаружившаяся ветхость системы.

Она стала явственно замечаться примерно два года назад, во время начавшегося мирового экономического кризиса. Вялая растрата накопленных в благополучные годы ресурсов и неспособность к решительным действиям способствовали нараставшему чувству недоверия. Усилила ощущение слабости экологическая катастрофа истекшего лета. И словно бы для того, чтобы показать, что система «государство как бизнес» не способна меняться, природа преподнесла осенью новые пожары в ряде российских областей, вновь осветившие неспособность власти выполнять традиционные функции. Но была продемонстрирована и рукотворная неспособность — выброшенная властями по помойку гуманитарная помощь, собранная гражданами для погорельцев, яркий символ административной неэффективности. Получается, что в ключевые моменты власть беспомощна, становится фикцией.

Экономическая олигархия, не уничтоженная во времена путинизма, живущая вместе с ним призрачной совместной жизнью нелюбимого, но необходимого члена семьи, ждет своего часа. Но как она может прийти к власти? Не в результате дворцового переворота — вся ее трусливо-вороватая безвольная биография протестует против такого сценария. Она может взять власть только в случае серьезного обветшания системы, связанного с этим беспорядка и как раз в результате протеста, подобного протесту конца 80-х.

Именно такой неструктурированный протест активной части общества («хотим перемен») в сочетании с недовольством и отказом поддерживать систему пассивной части социума для нее самый желанный.

Кашеобразная многоголовая «несистемная оппозиция», в которой кого только нет, представляет собой как раз системный элемент с точки зрения удаления от власти одной группы олигархии и прихода на ее место другой. У нее есть своя неосознанная задача — сыграть роль детонатора для как можно большего числа граждан. Затем распасться на маргиналов и коррумпированных новым порядком лиц.

По-настоящему системной оппозицией олигархии является только совокупность общественных организаций, словно корневая система дерева раскинутая в

область гражданских интересов. Лишь она способна собирать, фокусировать поддержку людей, и только в таком качестве они и становятся гражданами. Именно при таком положении возникает силовая линия власти, способная хоть как-то умерять напор олигархии. Эта линия власти может быть более напряженной, если гражданское общество доросло до формирования своих политических партий. И только эта сила способна одушевить институт выборов. Сделать формируемые через выборы власти более или менее выразителем интересов общества.

Вероятно, только при таком положении, когда власть в обществе обладает относительно невысокой концентрацией, возможен как правовой строй, так и либеральная демократия. Олигархия же, в какие бы наряды она ни облачалась — честных чекистов с холодными мозгами или же пламенных борцов с произволом, — всегда в конечном итоге превращается в институт подавления большинства. Поэтому задачей истинной политической модернизации в России является вовсе не «удаление чекистов из власти» или же абстрактное изменение правил выборов и функционирования средств массовой информации. Ключевой вопрос — снижение уровня концентрации власти.

Возможно ли это? В условиях России вряд ли. Наша история последнего века привела народные массы в

такое положение, что они способны глухо волноваться, на время даже вздыматься, словно волны, но не способны в достаточной степени организовываться. Последнее все-таки результат довольно долгого исторического развития, оборванного в России большевиками. Восстановление если и протекает, то тяжело и медленно. Но раз так, то Борис Березовский не зря в молчаливом ожидании держит свой плакат посреди пьяных протестом лондонских несогласных. Вне зависимости от того, вернется ли Березовский в Россию, сможет ли он здесь делать бизнес, класс, который он представляет, имеет все шансы на успех.

Как гласило название известной перестроечной книги, «иногое не дано». Поэтому улыбайтесь, Борис Абрамович!

Газета.ру, 9 сентября 2010 года

ЗАКОН ПРОТИВ НАРОДА

Решающее значение для современного общества имеют основанные на праве человеческие интересы, а вовсе не указания сверху, как себя вести, пусть и оформленные в виде закона.

В последнее время правящая в России коррумпированная бюрократия взяла моду выносить на «всенародное обсуждение» некоторые свои инициативы. Таким образом на излете нулевых обсуждались новации в области охраны общественного порядка. А в год Зайца страна запрыгнула из 2010-го со «всенародным обсуждением» закона об образовании.

Принцип такого рода обсуждений прост: пишете письма, а мы все равно сделаем так, как задумали. В советские времена подобное «творчество масс» презрительно именовалось в бюрократических учреждениях «письма трудящихся».

Постсоветская имитация под стать другим институтам российской имитационной демократии — «парламента», «выборов», «свободной прессы», «частного предпринимательства». Но, возможно, творцы такого подхода действительно верят, что «всенародно обсужденные» законопроекты будут как-то лучше исполняться гражданами. Очень может быть, что ветер заносит на верхний этаж российской власти мысли о

том, что готовая покрыть любые неправомерные действия властей промокашка закона все больше теряет доверие людей в полном соответствии с пословицей «закон — что дышло: как повернул — так и вышло».

Между тем власти при каждом удобном случае ссылаются на то, что их действия имеют законные основания. Но суть дела даже не в том, соответствуют ли деяния в области посадки Ходорковского — Лебедева, задержаний оппозиционеров, лесных порубок, махания дубинками, повышения тарифов ЖКХ букве того или иного законодательного акта, а в другом. В том, какое отношение имеют законы, принятые в условиях отсутствия честных, конкурентных выборов, к интересам граждан. Какие основания у людей, помимо принуждения, им следовать, их принимать? И что выше — интересы граждан или же наштампованные в «месте не для дискуссий» директивы авторитарных руководителей?

Вероятно, первичны интересы граждан. Им следует отдавать приоритет перед тем, что сегодня в нашем государстве называется словом «законы». Интересы могут по-разному проявляться — через выборы, на митингах, пассивным сопротивлением или согласием. А то, что людьми не принимается, не имеет отношения к праву, хотя бы и называлось словом «закон». Существенно именно право, которое неотделимо от

гуманистической природы человека. Последнее принципиально: желание одной группы граждан другую группу убивать или преследовать к праву отношения не имеет.

Итак, решающее значение для современного общества имеют основанные на праве человеческие интересы, а вовсе не указания, как себя вести, не «закон», способный право оформлять, но также способный ему и противоречить.

Обратимся для рассмотрения сказанного выше к двум выдающимся произведениям киноискусства. Поразмышляем, не ставя точки над *i*, оставляя возможность всем желающим задуматься над проблемой.

Одна из сюжетных линий снятого в 1982 году Вадимом Абдрашитовым фильма «Остановился поезд» — противостояние местного сообщества, включая власти города, приехавшему следователю. Герой Олега Борисова, порядочный человек и настоящий профессионал, действует по закону и с формальной точки зрения прав. Но никому из жителей города (включая жену погибшего машиниста) такая правда не нужна. Они хотят, чтобы следователь со своим бесчеловечным законом, разрушающим сложившуюся в городе жизнь, убрался подальше. Его расследование уже послужило

косвенной причиной смерти одного из подозреваемых. Так зачем нужны новые жертвы? Во имя чего? Ведь погибшего машиниста не вернуть. У них своя правда: жизнь по закону невозможна, если действовать строго по правилам, работа железной дороги будет парализована. Да, конечно, изредка возможны трагические происшествия, но ничего не поделаешь, такова жизнь.

Фильм ставит важный вопрос: люди для закона или закон для людей? Что должно стоять на первом месте — вольность, неотделимая от опасностей, или же существование, основанное на боязни удара палкой? Что лучше — целостность микрокосмоса, несогласного с рациональными правилами, или же сами эти правила («палочки должны быть перпендикулярны»)?

Эта линия включает в себе две развилки, по которым пошла затем страна. Подход следователя — это андроповский курс на укрепление дисциплины, формальное соблюдение установленных правил и их ужесточение. Подход местного сообщества — горбачевская установка на творчество граждан, объективное умаление как формальных правил, так и, в особенности, карательных структур, следящих за их исполнением.

И та и другая дороги в прошлом. Они уже заросли травой, и по ним невозможно пройти вновь. Не су-

ществует ни того государства, ни того общества. Но осталась сама проблема...

Шесть лет спустя после «Остановился поезд» режиссер Алан Паркер снял фильм «Миссисипи в огне» (Mississippi Burning). Сюжет в чем-то похож. В небольшом южном городе в Соединенных Штатах в середине 60-х происходит убийство борцов за гражданские права. Два федеральных агента приезжают в город и проводят расследование. Часть людей, составляющих местное сообщество, — расисты. К ним относятся и местные полицейские. Но есть и другая сторона — люди, несогласные с тем, что происходит. Местное сообщество расколото. И закон, который олицетворяют два федеральных агента, играет здесь совсем другую роль. Он в интересах части граждан этого сообщества, и совсем немалой его части. Не менее важно, что этот закон согласен с правом, потому что он гуманистичен, отрицает расовое превосходство и насилие одних над другими.

Между прочим, федеральные агенты утверждают это право методами в том числе и незаконными. Но симпатии многих будут, пожалуй, на их стороне. Потому что цель их действий — правовой порядок, а не только слова о таковом. Цель, к слову, в фильме Алана Паркера средств не оправдывает. Они слу-

жат вынужденным ответом на зло. И поступить по-другому, обеспечив право, невозможно. Здесь нет выбора.

Вывод из сказанного для настоящего и будущего нашей страны принципиален.

Созидание правового строя возможно только в условиях открытого общества, основанного на свободном прояснении и последующем согласовании групповых и личных интересов.

В этом смысле свободные выборы лишь один из моментов бесконечной и бурной дискуссии, ведущейся среди институтов гражданского общества — экспертного сообщества и гражданских организаций, политических партий и бизнеса, средств массовой информации и граждан.

Дискуссии, обязательно связанной с обладанием властью, с перетеканием власти от одних к другим, с ее многоликостью. Власть здесь не только у тех, кто победил на выборах. И переходит она от одних к другим не только на выборах.

Правовой строй — это и есть выстраивание различных конфигураций интересов. Только затем они отражаются в правилах и результатах выборов. Что же заставляет проигравших эти правила принимать? Только наличие свободного дискуссионного порядка, связанного со свободой перехода власти и ее много-

ликостью. Это согласие неотделимо от динамической природы открытого общества. Последняя как раз и заключается в возможности будущих перемен. Только в таком обществе при одной важной оговорке, касающейся степени концентрации власти, закон находится в согласии с правом.

Если же такой предпосылки нет, если общество закостенело и вместо буйства красок жизни является собой унылое собрание ритуалов, то закон в нем, хотя бы и «всенародно обсужденный», напоминает пугало, которому можно в случае угрозы оказать почитание, но с которым в другой ситуации ни один уважающий себя человек не будет считаться.

Газета.ру, 13 января 2011 года

ВНАЧАЛЕ БЫЛ ЛУЖКОВ

Уволенный сегодня Юрий Лужков — один из главных творцов существующей в стране системы. То, что в нулевые получило название «управляемая демократия», было создано Лужковым в Москве еще в начале 90-х.

Подводя итоги почти двух десятков лет руководства Москвой в исполнении Юрия Лужкова, хочется спросить вслед за классиком, «он ли был создан для места, или место для него». Такой феномен слияния личности и должности связан с адекватностью Лужкова историческому времени.

Начало 90-х было богато случайными людьми на постах губернаторов. С позиции сегодняшнего опыта иногда недоуменно округлишь глаза, узнав, что тот или иной персонаж, оказывается, возглавлял когда-то край или область. Во времена этого парада чудаков Юрий Лужков сколачивал в Москве свою крепкую административную избушку.

И уже в конце 90-х один высокопоставленный чиновник, рассуждая о шансах Лужкова стать президентом России, говорил мне со смехом: «Я бы его поддержал, но у Юрия Михалыча такая плотная команда, что туда не протиснешься!»

Юрий Лужков — один из главных творцов существующей сегодня в стране системы. Он словно

архитектор, построивший в Москве макет, воплощенный затем в гигантском размере по всей России. Моральные оценки здесь значения не имеют. Существенно, что эта модель оказалась жизнеспособной. То, что получило затем название «управляемая демократия», было создано в Москве.

Черты этого режима хорошо известны — вывески выборов, свободных СМИ, судов, а под этой тонкой, прозрачной кожицей ходуном ходят крепкие мускулы «капитализма закадычных друзей», при котором не разберешь, где кончается власть и начинается бизнес. Собственно власть и есть здесь главный бизнес. А самый главный во власти — это и есть самый крупный олигарх. Разве не то же самое говорят сегодня о Путине?

Лужков не стал президентом России. Но в ней твердо стала на ноги придуманная им модель.

И какая же, если подумать, другая конструкция могла здесь установиться в условиях вышедшего из коммунизма атомизированного общества? В условиях отсутствия влиятельных гражданских институтов, способных отстаивать интересы граждан против олигархии?

Но Лужков не был творцом схемы. Как человек практический, он создал систему во плоти. Бледные копировщики его опыта на федеральном уровне в

силу отсутствия масштаба личности никогда не смогли приблизиться к тому уровню слаженности, который был достигнут в Москве. Наглядно подтвердив расхожую истину, что копия хуже оригинала. Приведенные во власть «за ручку», они так и не смогли избавиться от комплекса неуверенности, совершенно не свойственного Лужкову, который «сделал себя сам». И в них всегда жила зависть парвеню ко всем, твердо стоящим на ногах. Лужков из последних.

Нельзя не отдать должное политическому стилю Лужкова. Твердости, ловкости, умению драться. Административной компетентности, навыку твердо держать в руках нити власти. И готовности, когда нужно, словно Наполеон на Аркольском мосту, схватить знамя и быть в первых рядах. Он ведь участвовал в подавлении двух путчей в Москве. И я хорошо помню, как в горячем октябре 1993 года в своем кабинете на Тверской он угощал меня чаем и конфетами, заботливо спрашивая о моих приключениях в захваченной баркашовцами мэрии на Новом Арбате: «Не били?» Одновременно, заложив руки за голову, он отдавал ясные и дельные административные распоряжения. Пожалуй, никогда до и после мне не приходилось видеть администратора такого уровня. Поразило, помню, совершенное спокойствие и холодная деловитость.

«Берия, Берия! Потерял доверие. А товарищ Маленков надавал ему пинков!» — смеялись в далеком коммунистическом прошлом бесправные советские граждане. А потом и товарища Маленкова выбросили.

И пусть тот, кто сегодня храбро подписывает не свое решение об отставке, а также тот, кто дает указание это решение подписать, боясь встретиться с самостоятельным Лужковым и сказать ему об отставке в глаза, не радуются. Телевизионные антилужковские перформансы не прибавят им значительности. А трусливо принятое решение неспособно поднять их из ничтожества.

До свидания, Юрий Михайлович! Еще одной личностью в российской политике серых мышей стало меньше.

Газета.ру, 28 сентября 2010 года

«ШАМИЛЬ! ШАМИЛЬ!»

Со своего первого ряда справа от думской трибуны я смотрю на загорелую скалу, воздвигнувшуюся перед микрофонами. С характерным наклоном вперед обрамленная сединой скала заканчивает отвечать на вопросы и говорит депутатам на прощание: «Давайте предложения, мы их соберем и...». Здесь следует постукивание стопкой бумаг по дереву и неожиданный конец фразы: «...сложим их в одно место». Зал хохочет. Виктор Степанович Черномырдин только что родил очередной афоризм.

Он был больше персонажем политического фольклора, чем главой российского правительства. В мире, как бы превращенной в политику русской сказки. Таким в памяти и останется. Как противовес чудачествам чужестранца Жириновского. По четкости фраз, вырубленных пусть и грубой рукой, он превосходит нервную стихию последнего. В связи с манерой В.С. Черномырдина выражаться, вспоминаешь недоумение Чичикова, которому Собакевич предложил продать мертвые души «по сту рублей за штуку». Павел Иванович подумал было, что «язык Собакевича по своей тяжелой натуре, не так поворотившись, брякнул вместо одного другое слово». В этих словах секрет всех черномырдинских афоризмов.

Вот таким Собакевичем, «весьма похожим на средней величины медведя» и был поставлен первым президентом России В.С. Черномырдин во главе правительства чичиковых. Почему? Видимо, разуверился в них, взятых со стороны и, в общем, чужих. И когда быстро выяснилось, что результаты их деятельности плачевны, что так дело может дойти и до восстания, появилась необходимость опереться на тип, более привычный для оглоушенного реформами обывателя.

Был, однако, в этом назначении и другой смысл. Черномырдинский тип, плоть от плоти хозяйственной номенклатуры, которой дела не было до обветшалых коммунистических символов. Это тип приобретателей, природа которых совершенно не отличается от существа молодых чичиковых из российского правительства. Как раз очень характерный для того хозяйственного строя, при котором непонятно, где заканчивается власть и начинается бизнес. И наоборот.

Если посмотреть с позиций сегодняшнего опыта, то назначение В.С. Черномырдина было символом того совершенно естественного предательства Б.Н. Ельциным интересов той самой улицы, которая и помогла этому представителю номенклатуры захватить власть. Оно знаменовало все большую опору на враждебно относящийся к любой улице класс чиновников. От этой самой беспокойной толпы нужно

было освободиться, она уже свою роль сыграла. В последующем ее призывали время от времени, играя на ее чувствах. Выжали из нее все, что можно. Так было в октябре 1993 года и отчасти на президентских «выборах» 1996-го. Хотя последние уже являли собой торжество другого подхода — фальсификация не меньше, чем манипуляция.

Явление Виктора Степановича не было единичным. Можно назвать и других влиятельных аппаратчиков. Именно там, в 1992 году, и лежат истоки того строя, который в «нулевые» годы развернулся во всю ширь. Точнее, тогда он начал себя проявлять.

Политический театр В.С. Черномырдина состоял не только из фраз, но и из ситуаций. Кто еще мог сказать директору-распорядителю МВФ Мишелю Камдессю в дружеской обстановке: «Мишель, ты не любишь Россию!». Это в рамках переговоров о выдаче кредита МВФ. Или кричать в трубку после захвата заложников в Буденновске что-то вроде: «Шамиль Басаев, вас не слышно, говорите громче!». Все это органично дополняло черномырдинское косноязычие. Последнее, к слову, невозможно в полной мере понять без сопровождающих жестов, мимики и окружающей обстановки. Это был настоящий театр. Пожалуй, уникальный.

Когда В.С. Черномырдин был в ударе, то он был хорошим бойцом, способным применять приемы, от-

работанные номенклатурой при общении с плебсом, сверху вниз. Однажды он выступал с думской трибуны и услышал со стороны коммунистов возгласы, что при «советской власти» люди лучше жили. Последовал немедленный удар с указующим жестом на фракцию КПРФ: «А ну-ка встаньте со своих мест те, кто раньше жил лучше!». Большинство депутатов оскорбилось таким приказом, но двое вскочили на ноги. Под общий смех. Потому что эти двое были бывшими первыми секретарями обкомов.

И все же публичным политиком В.С. Черномырдин не был. Быть им не мог. Он был силен тогда, когда за его спиной стояла мощь чиновного класса. И это не только его история. Помню какую-то потерянность в его фигуре, затертой среди коридоров Государственной Думы, в которой его дважды не утвердили на пост главы Правительства.

Время беспощадно. Многие из ныне живущих не знают уже В.С. Черномырдина, бывшего у власти когда-то совсем давно. Но для людей, которые помнят 90-е, это яркий персонаж. Не верится, что его больше нет. Так и кажется, что включишь телевизор, а там сидит Виктор Степанович и кричит в телефонную трубку: «Шамиль! Шамиль!».

«Эхо Москвы», 3 ноября 2010 года

В ОЖИДАНИИ БЛАГОДЕТЕЛЯ

Пока подавляющее большинство граждан вне зависимости от политических пристрастий будет мечтать о добром и мудром руководителе, жизнь в стране не наладится.

Свобода, доставшаяся даром, имеет крупный недостаток. За такую свободу люди в большинстве своем сражаться не будут. Она не является для них ценностью.

История истекшего российского двадцатилетия показывает это с очевидностью. Под позолотой конституций скрываются все те же вчерашние робкие советские люди, занятые в большинстве своем борьбой за существование и потребительство. Не пройдя школу гражданского воспитания, за двадцать лет выросли новые поколения. Так и идут предки и потомки, «скованные одной цепью, связанные одной целью».

Экономическая несостоятельность коммунистического режима, его разложение привели к тому, что в руки людям свалилась свобода.

Случись такой поворот, что цены на нефть начали бы расти не в начале нулевых, а пятнадцатью годами ранее, не только Г.А. Зюганов, но и многие наши современники за честь считали бы посетить Мавзолей и пройти по кладбищу у кремлевской стены.

Случайный дар свободы скоро взяли обратно. Прошедшее похоже на эпизод из «Кавказской пленницы», когда подошедшему к пивной бочке пьянчужке вдруг достается переданная персонажем Георгия Вицина кружка с пивом. Потом желтый нектар отбирается. Покачивающийся дедушка смотрит на небо, поворачивается и уходит. Упала кружка сверху и обратно вознеслась. Только пену успел сдуть.

Это метафора того, что было с нашей страной в прошедшие двадцать лет. И это то, чего желают многие граждане. Вне зависимости от направлений политической мысли. Чтобы явился сверху Он, сверкающий чистотой и силой Хозяин, и дал бы людям пиво и много чего еще. Да так дал, чтобы платить за это ничего не нужно было. Вышел утром из дома на работу, а вокруг раскинулся город Нью-Йорк. Или Париж. Или Рим. А лучше все эти города вместе. И жизнь чтобы такая завернулась, как показывают в каком-нибудь «Сексе в большом городе».

И напрасно люди, считающие себя либеральными демократами, полагают, что они далеки в своих устремлениях от коммунистов или же от так называемой «Единой Справедливой России». Везде одно и то же сладостное ожидание явления Первого Лица. У одних это В.В. Путин, у других Г.А. Зюганов, у третьих в последнее время Ю.Ю. Шевчук.

Идет бесконечный поиск того, за кем можно было бы пристроиться в затылок и топать, словно дуболомы Урфина Джюса, в заданном направлении.

Топ-топ, по дорожке из желтого кирпича. Нам радостно идти вместе. Где-то там блестит на солнце зеленым светом сказочный Изумрудный город. Открывайте ворота, мы подходим.

Это, конечно, желание иррациональное. Именно поэтому, когда приводятся соображения, заставляющие тускнеть доспехи кандидата на роль героя-спасителя, ответом служит яростная отповедь. Ведь наши соотечественники по большей части люди глубоко верующие. От Церкви их отлучили, но огонь Веры по-прежнему греет их души. И воспринимают люди критику придуманных ими кумиров как глубочайшее оскорбление их Веры, как разрушение их естества. А как же можно иначе без затылка, в который надобно смотреть? Без указующей руки? Зыбка почва под ногами. Ступить боязно. Многие опасности таит путь самостоятельный. Мы не ждедаи.

Не отрицая, конечно, роли лидерства, следовало бы задуматься. О том, что предполагающая ответственность свобода — это результат повторяющихся простых действий большого числа людей, гражданских организаций. Лидер здесь никак не Прометей, принесший людям дар богов — огонь.

Он лишь единичное и самое яркое выражение того гражданского достоинства, которое десятки, сотни, тысячи и миллионы раз повторилось в индивидуальных судьбах. Это и есть плотная гражданская ткань либеральной демократии, которую никто сверху не подарит. И когда мы видим сегодня многомиллионную колонну манифестантов в Париже, огромные толпы выступающих против Берлускони в Риме или же против политики Обамы в Вашингтоне, это и есть та самая гражданственность, функцией от которой является лидер. И первична как раз она, а вовсе не какой-то опаленный стремлением сделать людей счастливыми избавитель, принесший дождь в пустыню. Без такой плотной гражданской ткани лидер есть диктатор. Мягко стелющийся или жестко правящий, но диктатор.

Случись, между прочим, невероятное, явись сейчас в России мудрый лидер европейского толка — ему буквально не на кого было бы опереться. Он был бы вынужден быть диктатором просто в силу наличного общественного устройства страны.

История малочисленных митингов и бесконечные попытки демократической оппозиции привести большинство граждан на избирательные участки, организовать контроль за выборами хорошо это показывают. Не пойдем туда, где ведомой массы мало.

А-если ее будет много, то все равно не пойдем. Без нас справятся. Мы ждем результата.

Немало россиян вообще живет в угаре пьянства, в жестокой нужде, с каждодневным мордобоем, и здесь речь идет не о каких-то политических учреждениях, а о первичном создании нормальных условий существования.

А что же другие, которые могут себе позволить рассуждать о политике? К основанной на личной свободе и личной ответственности либеральной демократии многие из них относятся с глубоким недоверием. Они вовсе не отличные от непросвещенных современников угнетаемые свободные граждане, а такие же подданные. Предпочитающие пути гражданина совсем другой образ жизни — бесконечных вздохов о тяжелой судьбе, возмущения тем или иным попавшим в случай богатеем и всяческими неустройствами. Живут эти люди ожиданием того светлого часа, когда явившийся герой все перевернет, дарует набор благ — от честных выборов до высоких зарплат и недорогих квартир. Тогда и можно будет наконец зажить. Вдохнув полной грудью. Наконец-то свободны. Жить хорошо, а хорошо жить еще лучше.

Газета.ру, 26 октября 2010 года

НЕВОЗМОЖНО НЕ УКРАСТЬ

Пока компании, подобные «Транснефти», находятся в госсобственности, воровство не прекратится. Поставленные управлять государственным имуществом чиновники найдут тысячи способов для извлечения прибыли в своих частных интересах.

«Волна народного гнева», взметнувшаяся по поводу растрат, которые допустила компания «Транснефть» в ходе строительства трубопровода ВСТО, как это обычно в таких случаях, представляет собой сочетание желания «найти и наказать виновных» с неверием в то, что подобное возможно. Это как бы энергия в пустоте.

Воспитанное в советские времена представление о контролерах как лучших «друзьях народа», укреплено в последние годы бесконечными сериалами о честнейших прокуроршах, правдивых инспекторах и прочих достойных бойцах с улиц разбитых фонарей. Невоспетыми остались, пожалуй, лишь сотрудники Счетной палаты. Остальные же прославлены изрядно.

Это представление сочетается с наивной убежденностью многих соотечественников в том, что лучшая из возможных форм собственности в мире — это государственная. Если же с ней что-то не так, то плохи

люди, ей управляющие. Поэтому, если поменять одних начальников на других, усилить контроль и непременно кого-нибудь поглубже засадить, все пойдет иначе.

А если и будет по-прежнему, то останется у возмущенных граждан хотя бы чувство удовлетворения пошевелившимся воздухом. Как после отставки Ю.М. Лужкова: пробки на московских улицах те же, но на душе отчего-то немного легче.

Между тем случай «Транснефти», в котором никакой новости нет, — лишь характерный пример, показывающий, что в некоторых областях общественной жизни так называемая «государственная собственность» — это фикция. Под ее вывеской живут совсем другие, частные интересы. Сама же эта собственность представляет всего лишь удобный инструмент, позволяющий зарабатывать деньги в частный карман.

Это общее правило, касающееся не только строительства трубопроводов или добычи нефти, но и любого бизнеса в России, в котором участвует так называемое «государство» — по сути, подвижная пирамида управленцев, извлекающая в своих интересах и по десяткам тысяч направлений хозяйственного оборота прибыль. Сохраняя прямое участие так называемого «государства» в хозяйственной деятельности с этим бессмысленно бороться. Это все равно что, прыгая вокруг горящего костра, ловить дым руками.

И если существенно продвинуться по пути решения проблемы воровства при госзакупках можно только постепенно, изжив самую природу современной российской политической системы, предполагающей вместо выборов назначения, то сократить нерациональное использование ресурсов, сделать экономику более конкурентной, а значит, более эффективной, можно достаточно быстро. Для этого нужно полностью приватизировать компании вроде «Транснефти» и «Роснефти», приведя в соответствие интересы собственников и тех, кто реально этими компаниями распоряжается.

В этом случае появится настоящий частный собственник, крупные акционеры, время от времени покусываемые за пятки различного рода миноритарной рыбешкой да профессиональными шантажистами, делающими на миноритариях бизнес. Обстановка при подобном развитии событий станет несомненно более здоровой, чем сегодня.

Проблема воровства, если и будет существовать, то лишь в виде время от времени возникающего оппортунистического поведения менеджеров, действующих против реальных собственников. Что-то мы не слышим о скандалах, подобных тому, который два года назад возник с «Транснефтью», в связи с такими частными компаниями, как «ЛУКОЙЛ» или ТНК-ВР.

Это потому, что какой же смысл собственникам вынимать деньги из правого кармана и перекидывать в левый? Зачем обманывать себя при обустройстве тех или иных месторождений? Это все равно как заказать ремонт своей квартиры подрядчику и тут же в соседней комнате договориться с тем же мастером, что из выданных хозяином денег нужно ему же «откатить» половину.

Перевод компаний в частную собственность из фиктивной «государственной» может явиться существенным фактором мирного демонтажа созданного в России порядка, при котором непонятно, где заканчивается государство и начинается бизнес. Во всяком случае, появится некоторая ясность в этом вопросе. Да и с точки зрения разбогатевшей под вывеской «ЗАО Российское государство» элиты та или иная форма легализации капиталов может явиться спасительным выходом. Альтернатива такому пути — вечное сидение в кресле госчиновников для охранения «богатств немеченых». Для сырьевого сектора российской экономики можно уверенно говорить о том, что эти частные бизнесы, сегодня существующие под государственной вывеской, не будут разорены и в том случае, если снимут с себя пустую государеву личину.

Подобная эволюция похожа, конечно, на то, что происходило в России в середине 90-х годов, когда

крупные компании достались немногим близким в той или иной степени к власти лицам. Но такова уж природа российской политико-экономической системы, единой в своих основах что в 90-е, что в «нулевые» годы.

Объявленное движение в сторону приватизации и сделанные уже достаточно давно осторожные заявления главы российского правительства, идущие в том же направлении, говорят о том, что возможное дежавю приватизации крупной собственности в России не фантазия.

Если же вернуться в теме приватизации собственно «Транснефти», то глава российского правительства в бытность президентом высказывал мнение, что частные трубопроводы в России существовать не должны. Но, не говоря уже о том, что такие трубопроводы существуют (как часть проекта СРП «Сахалин-2»), система может работать эффективнее как раз в том случае, если она частная. При двух ограничениях, устанавливаемых государством, — недискриминационный доступ к трубе добывающих компаний и контроль тарифов. Эффективность же ее возрастет за счет контроля ресурсов частными собственниками.

Если смотреть на вещи честно, то единственная реальная модернизация, на которую российская властная система может отозваться с некоторым эн-

тузиазмом, — это перемены, связанные с легализацией денег в ее собственном кармане, собственности за ее забором и продажи ей некоторых дойных коров российской экономики.

Форма, наконец, придет в соответствие с содержанием. А возмущенное поначалу население успокоится вскоре победами честных сериальных «ментов», заснет, убаюканное телевизионным наркотиком, и встанет освежившимся. Перефразируя классиков, утро скатится с крыш, страна двинется в будничный свой подход.

Газета.ру, 19 ноября 2010 года

СДЕЛАЙТЕ НАМ БОГАТО

Чтобы заманить в Россию серьезных инвесторов, готовых вкладываться вдолгую, нужно менять законы и ограничивать всевластие бюрократов. В нынешней ситуации непривлекательны даже новые нефтяные проекты.

Страна наша богата не только сокровищами недр, лесами и реками, зверем пушным, но и начальством. Оно у нас всегда ума палата. Никто и ни в чем ему не указ. И до всего оно привыкло неторопливо доходить задним умом, отказываясь учиться не то что на опыте других, но иной раз и на опыте своей страны. Можно даже сказать, что в присутствии российского начальства время как бы замедляет свой бег и все вокруг подмораживается. Может быть, это начальственное свойство и является причиной того, что необходимые реформы начинаются лишь тогда, когда не просто грабли по лбу ударят и из глаз искры порхнут (это ли нам диво!), но когда лбом упрется начальство в стену. И, ощутив руками ее холодную неизбежность, поскребет в затылке и молвит: «Чего-то надо делать...».

Это незаконченная история применения соглашений о разделе продукции (СРП) в России. На грабли уже наступали не раз, а вот уперлись ли лбом в стену — вопрос.

Инвестиционные аналитики именуют Бразилию, Россию, Индию и Китай странами БРИК. Присмотримся к этим кирпичикам поближе. Китай и Индия привлекают инвестиции в разработку шельфовых месторождений углеводородов на основе СРП давно. Некоторое время назад Бразилия начала обсуждение вопроса о применении СРП для разработки глубоководных залежей. И в общем, если говорить о том, заменять ли действующую там концессионную систему СРП или не заменять, разногласий нет. А что же у нас, в России?

СРП у нас напоминает трудолюбивую Золушку. Результатами действующих в нашей стране трех проектов СРП, достижений 90-х годов, начальство любит гордиться. Вот, например, председатель российского правительства В.В. Путин, выступая 20 апреля 2010 года перед депутатами Госдумы России, отметил: «Важно, что в российский ТЭК все активнее приходят передовые технологии. Так, на Сахалине запущен первый в России завод по производству сжиженного природного газа, что открывает для нас перспективные рынки сбыта». О том, что завод был «запущен» в рамках проекта СРП «Сахалин-2», а также о том, что он был построен на основе «передовых технологий» в период, когда собственниками проекта были Shell, Mitsui и Mitsubishi, не было сказано ни слова. Как

ни слова не было сказано о том, что рынки сбыта для сжиженного газа проекта СРП «Сахалин-2» были найдены тогда же — в период англо-голландско-японского владения. То есть и технологиями, и рынками сбыта, да и проектом в целом обязаны мы заморским буржуям. А собственная гордость и национальные достижения, если говорить честно, сводятся к тому, что дали работать, хотя какие только палки не вставляли в колеса.

Когда в 2002 году СРП в России были заморожены, некоторые специалисты предупреждали начальство, что налоговый режим и, в частности, единая ставка налога на добычу полезных ископаемых (НДПИ) не создадут в России благоприятных условий для инвестиций в разработку новых месторождений. Затем, когда это стало понятно и властям, и «один для всех» НДПИ стал размываться налоговыми льготами, снова говорилось, что это уже проходили в начале 90-х, и, помимо прочих проблем, льготный налоговый режим неспособен служить устойчивой базой для долгосрочных инвестиций. Ноль внимания.

Вскоре наступило время бенефисов известного «политического эколога» Олега Митволя, подмаслившего путь, по которому «Газпром» въехал в проект СРП «Сахалин-2», получив над ним контроль. Это был яркий пример «выкручивания рук», показыва-

ющий иностранным нефтегазовым компаниям, что инвестировать в Россию на долгий срок и большие деньги опасно. И опять предупреждения о том, что нельзя так действовать, не были услышаны. Их заглушил звук от распила активов.

Вся эта феерическая разгульная эволюция «нулевых лет» проходила на общем фоне передачи разработки шельфа в домен двум так называемым «государственным компаниям» — «Газпрому» и «Роснефти». Спустя несколько лет министр природных ресурсов России Ю.П. Трутнев подвел печальный итог хозяйственной деятельности двух «государственных» монстров на шельфе: «Того объема денег, которые сегодня стараниями двух компаний инвестируются в развитие и разведку шельфовых месторождений, не хватает для их освоения в сколько-нибудь осмысленные сроки». Казалось бы, вот оно — похмелье! Пора пить рассол.

И вот наднях министр энергетики России С.И. Шматко в ходе правительственного часа в Госдуме России высказывает здравую мысль о том, что «проекты СРП могут в дальнейшем применяться на новых территориях России». И хотя с обоснованием этого тезиса, изложенного министром, равно как и с его уверенностью в том, что проектов для применения СРП в России сейчас нет, согласиться трудно, эволюция взглядов начальства

показательна. Пожалуй, впервые за многие годы министр российского правительства публично говорит о возможности применения СРП в России.

Неправы те эксперты, которые говорят, что юридических препятствий для применения СРП в России нет. Они огромны: существующий закон о СРП нуждается в серьезной переработке, т. к. его действующая версия вместе с другими правовыми приложениями — это пустое место, на основе которого никаких инвестиций привлечь нельзя. Это саркофаг с засушенной мумией, а не живой организм. Из гроба не встанет и никуда не пойдет, хотя бы и открыли верхнюю крышку.

Понимая, что представляют собой российские правительственные ведомства, надеяться на быстрый результат в реформе законодательства не стоит. Даром, что ли, вошло в поговорку выражение: «Минфин — это не профессия, Минфин — это диагноз». Даже и случись маловероятное — первые лица страны и правительства прониклись важностью СРП, — никакого быстрого прогресса здесь не будет. Потому что суть в деталях, а высшее российское начальство — люди масштабного мышления.

Не меньшую проблему представляют и странные представления о СРП. Вроде того что при СРП инвестор стремится увеличить затраты. Будто бы при этом виде

контракта перестает действовать главная цель предпринимателя — получить как можно большую прибыль при как можно меньших издержках. Опасность такого рода взглядов, все еще доминирующих у значительной части людей, принимающих решения, нельзя недооценивать.

Есть и еще одно серьезное препятствие для применения СРП в России, в частности на шельфе. Это фактически установленная монополия «Газпрома» и «Роснефти».

И если надеяться на равные правила при созданной в России системе было бы сегодня наивно, то власти вполне могли бы пойти на эксперимент — поменять законодательство таким образом, чтобы предоставить на шельфе несколько участков для работы хотя бы частных российских компаний. Скажем, пусть бы один проект на основе модифицированного законодательства о СРП реализовывал «ЛУКойл», другой ТНК-ВР, а по всем остальным работали бы так называемые «государственные» компании. При таком подходе спустя несколько лет начальство получило бы наглядную картину того, кто работает на шельфе эффективнее, смогло бы развить дальнейшую политику управления ресурсами шельфа, исходя из итогов проведенного эксперимента. Кстати, такая возможность — мощный фактор законодательных перемен, которые будет толкать частный, предпринимательский интерес.

Но фундаментальной проблемой для применения СРП является доверие инвесторов. Разгульные «нулевые» в этом отношении подорвали доверие и к СРП.

Создавать доверие инвесторов к России можно только изменением законодательства и параллельной реформой политических институтов, ограничивающих власть начальства. Ограничения на его всевластие в виде настоящего парламента и независимой и квалифицированной судебной власти необходимы.

Может показаться странным, что в стране, уже обладающей достаточным опытом развития собственных проектов СРП («Сахалин-2», «Сахалин-1», Харьягинский), казалось бы, переболевшей применением монопольного подхода на шельфе и провальных налоговых новаций, министр энергетики Шматко говорит о том, что сегодня для применения СРП в России еще нужно «исследовать международный опыт». Словно бы речь идет не о людях, принимающих решения, а о разговоре в плесневелом советском НИИ.

В общем, ни шатко ни валко поизучаем международный опыт еще лет десять. Посидим, подумаем. Торопиться некуда. Нам ли грустить об упущенных возможностях? Хотя будущее страны темно, зато жизнь начальства удалась. Дети в лондонах, мигалки на крышах. Остальное второстепенно.

Газета.ру, 14 декабря 2010 года

РОЖДЕНИЕ, ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ «ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОМПАНИИ»

Перед вынесением «судом» рождественского приговора М.Б. Ходорковскому и П.Л. Лебедеву уместно напомнить, что в 2003 году, после их ареста, молва приписывала крупным собственникам компании ЮКОС два «греха». Во-первых, попытку продажи нефти Китаю и, во-вторых, намерение реализовать если и не весь ЮКОС, то значительную его часть одной из американских нефтегазовых компаний (назывались Exxon и Chevron).

Часть нашего общества склонна оправдывать заключение в тюрьму акционеров и сотрудников ЮКОСа вовсе не тем, что им непосредственно вменяется в вину, а соображениями «государственного порядка». Не раз приходилось в прошлом слышать такого рода аргумент: «Не мог же В.В. Путин посадить в тюрьму Ходорковского и Лебедева исходя из их желания фактически усилить стратегического противника России — Китай, продавая ему нефть. Не мог же он позволить продать американцам самую крупную нефтяную компанию России. Вот и был найден другой повод для преследований. Но реальная причина репрессий иная — интересы России».

Соответственно, укрепление активами ЮКОСа так называемой «государственной» компании «Роснефть», придание этой компании роли если и не противовеса частным российским нефтяным компаниям, то, во всяком случае, ранга «первой среди равных», признавалось частью общества явлением безусловно положительным. В компании «Роснефть» видели едва ли не национальную государственную нефтяную компанию, которая будет проводить какую-то другую, «государственную» политику, руководствоваться не частными, а общественными интересами.

Что же стало с этими взглядами спустя 7 лет?

Прежде всего, выяснилось, что так называемая «государственная компания» совсем не против вести себя как обычная акционерная компания. В июле 2006 года «Роснефть» провела первичное размещение акций на биржах Москвы и Лондона, продав 15% своих акций. И как не подавалось в пропагандных целях подобное размещение как «народное», ясно не только то, что в городе Лондоне проживает далеко не простая часть российского народа. Понятно и другое – компания, проводящая такие решения, по определению должна заботиться вовсе не только об интересе государства, но и о частных интересах своих новых акционеров.

В том же 2006 году «государственная» компания «Роснефть» смутила сторонников державы рос-

сийской и противников Срединного государства другим своим решением – создала совместное предприятие с китайской CNPC «на территории России». Спустя 3 года компания «Роснефть» привлекает 20-летний кредит от Банка развития Китая, как лирично подчеркивается на официальном сайте «Роснефти», «на очень выгодных условиях» и заключает долгосрочное соглашение о поставках нефти в Китай в 2011 – 2030 годах...

Другими словами, «Роснефть» сделала ровным счетом то, в чем часть нашего общества обвиняла акционеров ЮКОСа – договорилась о продаже нефти в Китай. За тем, пожалуй, исключением, что не приходилось слышать от акционеров ЮКОСа о том, что они собирались создавать с китайскими нефтяными компаниями совместные предприятия на территории России или же использовать китайские кредиты для поставок нефти в Китай.

И вот сегодня, президент «Роснефти» Э.Ю. Худайнатов заявляет о том, что компания желает в 2014–2015 годах привлечь «стратегического инвестора». Это возможно было бы сделать прямо сейчас, но 2–3 года, по словам Эдуарда Юрьевича, потребуются для того, чтобы рынок оценил «Роснефть» адекватно, так как сегодня, по его словам, компания недооценена «в три раза». Не удивлюсь,

если среди потенциальных покупателей части компании окажется все тот же Большой Дракон из-за Великой Китайской стены или же кто-нибудь из американских нефтегазовых компаний. Кто же еще сможет быть «стратегическим инвестором» для компании, которую Э.Ю. Худайнатов оценивает в 225 млрд \$?

И в чем же, в таком случае разница с тем, что желали сделать акционеры ЮКОСа, реализовав часть своей компании? Между прочим, от того, что ТНК продала в 2003 году половину своего бизнеса ВР ничего страшного с российской нефтегазовой отраслью не случилось.

Мы вовсе не являемся противниками иностранного капитала в российской нефтегазовой промышленности как в виде прямых инвестиций, так и в виде участия в акционерном капитале российских нефтегазовых компаний. Равно как не являемся мы противниками поставок российских углеводородов на мировой рынок и, в частности, в Китай. Мы, напротив, являемся сторонниками такой политики.

Тем же нашим соотечественникам, которые являются противниками привлечения иностранного капитала в российский нефтегазовый сектор, полагают, что нельзя продавать нефть Китаю, склонны обвинять М.Б. Ходорковского и П.Л. Лебедева в «не-

государственном подходе», неплохо бы в свете приведенных выше фактов задуматься. Над вопросом о том, чем же, собственно, отличаются от преследуемых бизнесменов предприниматели, работающие под государственным прикрытием и с вывеской «государственный» на своем бизнесе?

«Эхо Москвы», 16 декабря 2010 года

ГРАБЬ, БРИТАНИЯ!

Сделка «Роснефти» с ВР — модель легализации средств коррумпированной российской бюрократией.

Сделка «Роснефти» и ВР как в капле воды отражает проблемы российской политико-экономической системы. Она лишний раз свидетельствует о кризисе модели действующего в России коррумпированного капитализма. Он желал бы, сохранив свою суть, сбросить мешающую государственную оболочку. Он хотел бы опереться для выживания на западные технологии и деньги, сделавшись респектабельным. Конвертировав захваченную в России власть и заработанные на ее приватизации деньги в права собственности, признаваемые в европейских странах, Соединенных Штатах и Канаде. И заплатив в рамках решения этой задачи своим западным бизнес-партнерам тем, что принадлежит не ему, а всем гражданам России, — природными ресурсами. Из чужого кармана за свои удовольствия.

В идеологическом плане сделка «Роснефти» и ВР на примере нефтегазовой промышленности говорит о кризисе идеологии «вертикали власти», связанной с именем российского лидера В.В. Путина. Она служит признанием того факта, что без западных организационных навыков и технологий

так называемая «государственная компания» «Роснефть» шельф разработать не может.

То, что раньше говорили высокопоставленные члены правительства (министр природных ресурсов Ю.П. Трутнев), теперь признается и на деле. «Роснефть» фактически торгует полученной в домен от властей лицензией и привлекает не просто кредиты от западных финансовых институтов. Она стремится опереться в разработке шельфа на западную нефтегазовую компанию. Сами справиться не смогли, несмотря на всю мощь правительственной поддержки и собственный имеющийся опыт работы на шельфе в рамках проекта СРП «Сахалин-1». Видимо, немногому научились у американской Exxon. Позвали на помощь испачканного нефтью Мексиканского залива британского льва.

И масштабы колоссальны. В.В. Путин оценивает запасы участков, на которых собираются работать ВР и «Роснефть», в 5 млрд тонн нефти и 10 млрд кубометров газа. Как с плохо скрываемым восторгом подчеркивается на сайте компании ВР, полученные «Роснефтью» в 2010 году лицензии в южной части Карского моря (блоки EPNZ 1, 2, 3) «охватывают примерно 125 000 квадратных километров... Эта часть примерно равна британскому сектору Северного моря». Теперь и у ВР есть возможность выйти на эти просторы — «Правь, Британия, морями!».

Этот частный провал есть составная часть другого, общего провала т. н. государственной компании «Роснефть». Она оказалась неэффективна в целом как модель управления углеводородными ресурсами России, которые формально принадлежат всем гражданам страны, а фактически — группе несменяемых лиц, контролирующих власть.

Это «тихое отступление» началось не сегодня. Уже в 2006 году «Роснефть» продала 15% компании инвесторам, разместив свои акции в Лондоне и Москве. Не так давно президент «Роснефти» Э.Ю. Худайнатов осторожно заявил, что «Роснефти» нужен «стратегический инвестор» и для подготовки к продаже необходимо два-три года, которые уйдут на наращивание добычи. Но ждать годы, как видим, не стали. Новый год начался с динамичной модернизации — с обмена 9,5% акций «Роснефти» на 5% акций ВР и с радужных надежд, что теперь-то уж неосвоенные шельфовые богатства не пропадут — ВР, засучив рукава, возьмется за дело.

Но это все идеологическая позолота, которая в некотором смысле независима от сути происходящего процесса. Идеологические провалы способны, верно, вызвать горечь только у тех российских граждан, кто полагал в начале нулевых лет, что аскеты из страдающих под гнетом «либералов» в 90-е годы «силовых

структур» только и ждут момента вывести страну на мировые просторы, дать России имперскую силу и величие. У тех же, кто смотрел на вещи прозаически и видел трясущиеся от жажды денег руки этой группы, иллюзий не было. Как не было иллюзий в том, что так называемые государственные компании в их российской версии смогут успешно конкурировать с компаниями частными.

Так или иначе, но сегодня суть в главной задаче коррумпированной властной системы — легализации полученных от приватизации общественной власти в 1999—2010 годах средств. Уже накануне кризиса глава российской власти В.В. Путин начал осторожно говорить о том, что государственные компании — это не навсегда. И вот теперь в случае с «Роснефтью» найден удобный момент: проблемная ВР готова рискнуть, поиграть в течение последующих нескольких лет в рулетку с «Роснефтью» на российском шельфе.

Репутация у ВР сегодня ужасная, и Россия в этом смысле удобная страна. Здесь отсутствует контроль общества над властью, и поэтому можно, договорившись с руководителями, смело построить на северном шельфе еще один Deepwater Horizon. Идеально для бизнеса.

В России достаточно, чтобы В.В. Путин сказал, что «за одного битого двух небитых дают», выразив, таким образом, надежду, что наученная горьким

опытом ВР теперь будет работать с осторожностью. Это, возможно, так, но все же в свете только что вышедшего в США доклада комиссии президента Обамы, посвященного трагедии на Deepwater Horizon, следовало бы не только полагаться на ВР, но и существенным образом оценить, что из себя представляет действующая в России система контроля работ нефтегазовых компаний на шельфе. А не ограничиться, как это сделал В.В. Путин, замечанием о том, что «российские специалисты внимательно изучали трагедию в Мексиканском заливе». Хотелось бы видеть следы этого изучения в реформированном российском законодательстве о проведении работ на шельфе. Прочитали и задумались — это не то, что в данном случае нужно.

Проблемы ведь не только в ВР, а в отрасли в целом. И напрасно считать, что России произошедшее в Мексиканском заливе не касается. Что виной здесь даже и не столько ВР, сколько субподрядчики, которые, по словам российского премьера, обращенным к английской компании, «должны были самым внимательным образом анализировать все, что происходит, с самого первого этапа работы по всем направлениям». Если есть стремление разрабатывать нефтегазовые ресурсы на шельфе, то общий интерес в том, чтобы не получить от ВР и ее партнеров еще одну эко-

логическую катастрофу. Это России не нужно при любой форме политической власти.

Есть в этой счастливой новогодней сказке еще один момент — публичное одобрение британским правительством в лице министра энергетики Великобритании либерального демократа Криса Хьюна действий ВР. Бизнес может вестись в странах с различными политическими режимами, и вполне понятно стремление ВР делать деньги в России. Такой подход не может вызывать возражений. Но бодрые заявления британского министра, равно как и его присутствие на подписании соглашения ВР и «Роснефти», говорят о том, что граница приличий была перейдена. Самым бесцеремонным образом.

Это заставляет поднять давно назревший вопрос об ответственности британских властей за происходящее в России, об их соучастии в укреплении российского коррумпированного капитализма. Как путем предоставления своей территории для ведения бизнеса его представителями (в первую очередь Р.А. Абрамовичу), так и для опытов легализации его бытия путем размещения акций на Лондонской бирже. А теперь и прямым одобрением участия ВР в увиденном у компании ЮКОС имуществе. Сделанным, между прочим, сразу же после очередной расправы над М.Б. Ходорковским и П.Л. Лебедевым.

Британское правительство не может не знать, чьи активы владеет сегодня «Роснефть», и не может не догадываться, какую роль в расправе над владельцами и сотрудниками компании ЮКОС играли В.В. Путин и И.И. Сечин.

И оно не может не представлять, насколько важна для коррумпированного российского режима именно сейчас, после очередной показательной расправы над ЮКОСом, демонстрация того, что подобные действия не влияют не только на бизнес, но и на межгосударственные отношения. Получается, что для Великобритании на первом месте деньги, а слова о правах человека в других странах для правительства Ее Величества тонут в звуке работающих буровых платформ.

Вспоминается в этой связи скандальная история освобождения Великобританией бывшего сотрудника спецслужб Ливии аль-Меграхи, причастного к «делу Локерби», вызвавшая подозрения части наблюдателей в том, что оно предпринято из-за опасений сорвать выгодные контракты нефтяных компаний BP и Shell в Ливии. Читая обо всем этом, иной раз думаешь, что это не правительство Ее Величества, а Правительство Их ВРчества и Shellчества — все, что изволите во имя нефти и газа!

Может быть, политические и экономические риски Великобритании от такой деятельности пока не-

велики, и «время все спишет». В нашем мире, в котором забывчивость основана на прагматизме, это вполне возможно. Но может получиться иначе, и за сегодняшнюю неразборчивость и лицемерие в будущем как ВР, так и оптимистичным британским властям все-таки придется заплатить.

Первым — еще в ходе теплого сотрудничества с компанией «Роснефть». А вторым так, как они заплатили при голосовании за право проведения чемпионата мира по футболу.

После этого голосования британский премьер Дэвид Кэмерон разочарованно сказал, что «ФИФА очень темная структура». И добавил: «А что касается слов Блаттера по поводу борьбы с коррупцией, то, думаю, надо судить по результатам». И результат уже есть, так что можно произвести суд.

Экспортированная вместе с капиталами из России в Британию и обосновавшаяся на островах российская коррупция, на которую британские власти, исходя из своеобразно понимаемых выгод своей страны, десять лет смотрят сквозь пальцы, дала Дэвиду Кэмерону отличный урок. Понятно, что хочется «сидеть на двух стульях» — чтобы и капиталы коррумпированного российского чиновничества, его кассиров и яхтсменов в экономике Великобритании работали, и чтобы одновременно действовали в от-

ношении Альбиона правила честной конкуренции. Но не получилось. Первое пожрало второе. И совершенно заслуженно. Как следствие политики под лозунгом «Все грязные деньги мира в гости к нам!».

Газета.ру, 17 января 2011 года

У ПОЛЬСКОЙ СТЕНЫ

Продавщица в цветочном киоске у московского зоопарка вздыхает: «Какая трагедия. Все гвоздики сегодня раскупили. Берите последние». Ей словно неудобно брать деньги.

Наохлившись цветы, если немного расчесать их алую шевелюру, просыпаются. Глядят на клокастые облака в синеющем холодком московском небе. Апрельское солнце яркое, но с тонкими лучами. Прилетевший из сказки Уайльда Северный Ветер весело щекочет зеленые пятки у стебельков. Москва вымыта и высушена. Строго расчесаны голые ветви деревьев. Серый асфальт насуплен, официален. Стряхнул с себя песок.

Вот и белая стена польского посольства. У подошвы стрелы. Вязанки стрел. С изящными гибкими телами. С распутившимися наконечниками. Не ранящие стену. Обессилевшие. Превращенные из мертвого дерева и металла в шевелящийся махрой красно-белый цветочный ковер. Кое-где упавшие слезы обернулись порхающими огнями лампадок. Горящих добром. Сквозь все холода истории.

Добродушно косит левым глазом у ворот польский военный. Удивительно похожий усами и лицом на Леха Валенсу. Выглаженная форма. Широко раскрытые ворота. Заходите.

На обратной дороге к метро глаз выхватывал из толпы людей с цветами. Невольно смотрел им в лицо. О чем они думают? Будто бы по невидимым нитям идут они к польскому посольству. И так хочется, чтобы эти нити добра не были порваны. После того как замершие сегодня стрелки жизни возобновят завтра свой забывчивый повседневный ход.

«Эхо Москвы», 12 апреля 2010 года

ЭСТЕТИКА КИОСКА

Президент Дмитрий Анатольевич Медведев говорит в Сеуле о том, что «государства должны создавать благоприятные условия для малых и средних предприятий». В это же время в Москве мэр города Сергей Семенович Собянин выступил инициатором действий по ликвидации части тех самых малых предприятий в сфере розничной торговли. Удивительная раздвоенность слов административных федеральных верхов и действий городских начальственных низов. Голова думает о том, как бы дерево окопать, а руки в тоже самое время рубят лопатой корни.

Некоторые соотечественники горячо одобрили ликвидаторскую идею. Аргументация самая разная. Кого-то не устраивают лица торгующих. В особенности в сочетании с запахом шаурмы и чебуреков. Другие утверждают, что ларьки и киоски уродуют город. Не нравится нагромождение самых разных торговых точек, смешение запахов, нерусская речь.

Между тем, эстетика бывает разная. Когда под музыку Вангелиса мы видим в кинофильме *Bladerunner* среди нагромождения торговых заведений идущего под дождем, облитого разноцветным неоновым светом героя Харрисона Форда, эта эстетика китайского квартала Лос-Анджелеса будущего не вызывает у нас

неприятных ощущений. Наоборот, смешение построек, прилепившихся у стен небоскребов, нестрогие, угловатые формы, разнообразные лица и разногололая речь интересны и волнующи. Они полны таинственного очарования космополитического города.

А что мешает относиться также к Москве? Видеть в этом хаосе и веселом подмигивании лампочек и лучащихся огнях бесчисленных торговых точек такую же ночную прелесть? Верно, лишь отсутствие или же неизвестность публике художников, которые показали людям с экрана поэзию тех мест, в которых прагматики не видят ничего поэтичного. Какой-нибудь закуской по продаже сосисок. Как она показана в фильме Вендерса *Wings of Desire* (в нашем прокате «Небо над Берлином»). Верно, живи сейчас на свете великий американский художник Эдвард Хоппер, он бы создал картину, в которой мир московских ларьков и киосков явился бы тем, что он есть для многих и сегодня — отверженным, отчужденным, одиноким, холодным, застывшим и прекрасным.

Кроме того, киоски и ларьки — это памятник русскому капитализму, настоящая культурная ценность. Их не сносить нужно, а беспокоиться, если эти стихийные колонии будут исчезать со временем от станций метро, обнажая сталинский (как у метро «Сокол») или *artificielle, nécessaire et sans âme* бреж-

невский фасад (метро «Улица 1905 года»). Именно так — у опустошенных зданий сгнувшегося коммунизма, изумленно таращащих пустые глазницы, раскинулся разноцветный ковер нового капиталистического строя. Все то, что нужно потребителю, за что он готов платить, можно найти на этом празднике простых человеческих потребностей, освобожденных от диктатуры чопорного коммунизма.

Но есть здесь и другая красота — эстетика рыночной экономики. Она не видна глазу, но понятна уму. Тонкий механизм учета разнообразных человеческих потребностей, оценки потребительского спроса, мест его проявления сокрыт в ткани этого разноцветного ковра. Он похож на решающую задачи компьютерную программу.

Здесь встречаются продавцы и покупатели, происходят миллионы актов субъективной оценки ценности хозяйственных благ. Они дают ток невидимым нитям, тянущимся от продавцов к транспортникам, производителям. Предприниматели оценивают величину затрат и возможности получения прибыли. Здесь бесконечные, накатывающиеся волны потребительского спроса штурмуют песочные бастионы цен. Последние же всегда готовы не воздвигнуться слишком высоко, стремясь держаться на высоте волны. Помню, как с началом экономического кризиса

осенью 2008 года в киоске на московской улице Пятницкая (ныне снесенном в ходе кампании С.С. Собянина) цена на пакет сливок были снижена на 12%. Продавец объяснила, что это сделано для того, чтобы «лучше продавались».

И весь этот разнообразный мир, расцветший около станций метро и на городских улицах, живет уже два десятилетия, успешно противостоит конкуренции возникающих и дифференцированных по уровню дохода потребителей торговых сетей. Даже сумев применить сетевой принцип к самому себе, показав, что ларьки и киоски очень даже удачный способ торговли. В общем, эта способность мелкой торговли не новая. Отмечалась в европейских странах, а затем и в России еще в начале прошлого века. И российский экономический мир ларьков и киосков показал свою крепость в конкурентной борьбе с другими формами торговли. С экономической точки зрения этот мир прекрасен своей эффективностью.

Стихийный рыночный обмен как вода. И что бы ни утверждал Дмитрий Анатольевич, и ни делал Сергей Семенович, он живет по своим законам. Независимым от любых властей. Как жил он во времена распределительного коммунизма времен Гражданской войны. И вот уже на месте снесенных палаток появились переносные столики, с которых торгуют

носками, тапочками и мочалками. И здесь же рядом выстраиваются торговцы соленьями и зеленью. «Ось сусулька, паничи, купите сусульку!» Вечный Гоголь. И что с этим народом, желающим торговать, чтобы жить, сделаешь? Он словно цепкая колючка в пустыне российского административного творчества и несбыточных замыслов о ее превращении в цветущий оазис.

«Эхо Москвы», 14 ноября 2010 года

ЦЕННОСТЬ ШЕВЧУКА

ДДТ услышал впервые, кажется, в 1987 году. Это был альбом со знаменитыми «мальчиками-мажорами». Слушал его много раз, так что можно сказать, что мои университетские годы от песен Шевчука неотделимы. Были потом и «Дождь», и «Осень». А затем как-то удивительно прожитые ДДТ 90-е и «нулевые» годы. Никакая грязь на Шевчука и его коллег не налипла.

Для меня ДДТ ниточка, связывающая наше время с эпохой перестроечных надежд и той чистоты помыслов. Можно взяться за песни Шевчука и пройти назад, в прошлое. А затем придти обратно. Держась за эту нить, ничего не страшно. Вокруг гремят чеченские войны, процветает коррупция и вообще творится черт знает что. Но мы верно правим свой путь по ариадниной нити ДДТ.

Мне кажется, что Шевчук и его коллеги — удивительное явление. Оно ценно само по себе, своей независимостью. Таким, по-моему, был и Майк Науменко. И я думаю, что неправильно тянуть Шевчука в политику, предлагать избираться президентом. Он намного ценнее любого президента в нашей стране и любого политика. Превратить творца в человека, который по самому роду профессии политика

должен будет себя ограничивать, идти на компромиссы. Что может быть хуже? Это все напоминает шаблон так называемой «Единой России», готовой тащить в свои ряды любого известного вне мира политики человека.

Явление Шевчука станет более значимым, если взглянуть на других музыкантов, встречавшихся недавно с президентом Д.А. Медведевым. Кто они сегодня? По-моему, остались в далеком прошлом, как детские и юношеские воспоминания. Конечно, там у них есть свое почетное место. Но как творцы они сегодня ничего из себя не представляют. Один из них сначала смачно резал салат на телевидении, потом нырял с аквалангом, где-то мелькал. Писал, конечно, и песни. Но все это, по-моему, было не то. Другой музыкант отрастил бороду греческого сатира, вроде бы получил какой-то орден, изображал из себя мэтра.

Может быть, это кому-то интересно и сегодня. А по-моему все это неживое. Получилась какая-то разновидность современной музыкальной номенклатуры. Важной своими прошлыми заслугами. Они будто бы стоят в обнимку и любят памятник, которые сами себе при жизни поставили.

К ним как-то и неудобно обращаться иначе, кроме как на «вы» и по имени-отчеству. А Шевчуку,

который и на площади с народом, и смеется по-человечески, всегда можно с любовью и уважением сказать: «Давай, Юра! Давай!» В этом и есть его ценность.

«Эхо Москвы», 13 октября 2010 года

МОЯ ЛЮБОВЬ В 60-Х

Салатовые, серые, красные, распластанные черепахой, ласкающие угловатые линии кадиллаков, пришедшие из 50-х. Вишневые габариты, как рубиновые звезды Кремля. Еще не развенчанные, победно-таинственные. Мчащиеся мимо меня бегом проезжающего такси. На переднем сиденье отец с зажженной сигаретой в откинутой прямым школьным металлическим углом руке. Наслаждающийся ползущим розовым огоньком. Моргающим лепестками чайной розы звездам Кремля, улыбкой нежного сююминутного бытия. И летят, горят мимо вытарашенные глаза звезд, К Шереметьево. Ко времени «Мустанга», Монро и Бонда, Бонда, Бонда... К скептической улыбке Коннори...

Время болоний, набухших весенней порой почек, голых, словно убранный могила бульваров, пора молодости родителей и манящей загорелой Америки с белозубой улыбкой и победно загнутой наверх челкой. Страна физиков и автодилеров с ручкой в нагрудном кармане и воткнутыми в бока руками. Фу-ты, ну-ты, руки в боки...

Как дивно, ласкающе, обволакивающе пел Мэтт Монро *From Russia with love*. Укрыться бы его голосом, словно одеялом, и скользнуть в космос. Холод не

страшен. И почему это не первая песня, которую услышал в детстве?

И все же наш русский колыбельный волчок чудесен. Под ласкающей теплой лампой, шерстяной бочок так укутан одеялом, что никому до него не добраться. Таращатся мохнатые елочки, посеребренные дыханием сна. Теплые, теплые...

А вот и Johnnie Walker торопливо шагает на красной этикетке с плещущейся оранжевой, маслянистой, остро пахнущей жидкостью. Слоновые ручки радио, затянутые тяжелой тканью динамики, тихо дремлющие в глубине полированного деревянного ящика лампы и дыхание эфира с хрипящим просвистом и горящей электрической панелью со скачущей вертикальной стрелкой. Она так своенравна и столь легкомысленна, что Johnnie Walker смущен, несмотря на свой уверенный шаг и трость под мышкой.

Он задумчив и грустен от безответной любви, надвинул шляпу на глаза, прислонился к столбу, поживает в холодном туманном Лондоне и слушает на излете 60-х *On days like these*. Прощайте 60-е, вы в моем сердце до последнего вздоха. Как мечта, колыбель, неразгаданная тайна.

«Эхо Москвы», 21 августа 2010 года

ЦЕННОСТЬ МИМОЛЕТНОСТИ

«Нам нужен Цой! Верните Цоя!» Эхо от крика постаревших на 20 лет детей затихает.

Ах, какие вы немощные? Зачем вам Цой? Он в вашей молодости. С вами. Разве мало? Куда вам, закопченным жизнью топотыгам с набухшими веками и тяжелым дыханием, в эту мерзость Цой? Перестаньте его слушать! Думаете, что возьметесь, как слепцы, за его куртку или, положим, пойдете на звук чудной каспаряновской гитары из «Печали» и все забудете? Оттолкнете настоящее, как землю, и вот, поплыли, поплыли в такое знакомое время. Прощай все, мы бредем через реку забвения. О, как дивны плывущие над тобой туманы, как ласкают ноги травы, как холодит, толкает шаг течение...

Но это ошибка, ужасная ловушка. То время было разорвано. Впереди зияла рана. Позади свистела пропасть. Рушились с грохотом города. Гремели майские грозы, лились вселенские дожди. Мчались по уцелевшим улицам караваны желтой воды. Вы летели вперед в отсвете молний и наслаждались полетом. «А в прошлом не хочу, а в будущем не знаю». Время билось пульсом вашей молодости, цвело гвоздиками на куртке Цоя в «Ассе». Красные-махровые, словно медленно расплзающиеся пятна крови на лоснящейся

на солнце шкуре черной пантеры в детской кондитерской книжке Олеши...

Жизнь только в молодости. Вы ее прожили. Вам повезло. Сегодня такого нет. И не будет. Итог не важен, он всегда плох. То время прекрасно удаляющимся по темной реке вдаль пароходом с освещенными палубами, смехом, музыкой, гирляндами волнующихся разноцветных полос на черной воде. И гудками, непременно басистыми гу-гу-гууу гудками, катящимися по лесной и полевой дичи, по мягкому взмаху совиных крыл и испуганному стуку в дверь мышиных сердечек.

Присядьте на берегу. Улыбайтесь набегающему ветру. Никто и никогда не узнает, как вам было там. На уплывшем пароходe. Во времена Цоя. Это ваша территория. В ней вы растворитесь и в нее уйдете. Никому и никогда ее у вас не отнять. Вы гении. Вы цари. Лето кончилось.

«Эхо Москвы», 24 августа 2010 года

ПРОЩАНИЕ С КИНОВОЙНОЙ

В прекрасном романе Дмитрия Мережковского «Юлиан Отступник» Император, задумавший возродить язычество, с грустью смотрит на шествие ряженных поклонников умерших богов. И понимает, что прошлое ушло, его не вернуть. Вроде бы языческие обряды соблюдены, но... Душа отлетела...

То же можно сказать и о современной российской кинопродукции, посвященной закончившейся 65 лет назад войне. Чем ближе май, тем сильнее напор поступающих через телетрубу «шедевров». Это какая-то жуть с ряжеными куклами, механически двигающимися в темноте коридоров истлевшей идеологии. Дело здесь не только в режиссерах и актерах, но в общей атмосфере нашего общества. Она лицемерна, истерична и душна. Как же здесь родиться чему-то значительному?

Конечно, гений все может преодолеть. Потому что живет в своем мире. Так, пожалуй, родился лучший фильм о войне, снятый во времена и вопреки Совдепии — «Проверка на дорогах» Алексея Германа. Лучший потому, что эстетически наиболее точный. Глядят с экрана Грязь, Холод и Мерзость. Главные герои картины. Это и есть война.

Совдеповские фильмы о войне были функциональны. Кинопродукция включалась в круговорот идеологического воспитания — все во славу «родной коммунистической партии». Выполняя этот заказ, она могла показаться убедительной тем людям, которые этой войны никогда не видели. Тем более что часто актеры играли превосходно. Так и были воспитаны поколения. В сладкой, убаюкивающей лжи.

Но вот власть коммунистов рухнула. Прошло почти 20 лет. А кино о войне все продолжает сниматься по тем же советским лекалам. Вхолостую. С той же идеологией давно не существующего красного кошмара. Актеров только не сравнить. На три головы ниже. Режиссеры такого же уменьшенного масштаба. Про инвентарь и говорить нечего. Как будто бы в гламурных бутиках пошиты мундиры и гимнастерки. И глядит с экрана уже не идеологическая функция, а какая-то ритуальная ложь. Со слезшими зубами вперед с «бумеров» пацанами, накинувшими «прикид» с углами на рукаве, да тремя кубами в петлицах. «Лейтенант, старшой, я!». Вроде бы по замыслу показывается что-то значительное, а для чего? В чем смысл?

Все фильмы о войне уже сняты. Все тропинки вытоптаны. Ничего нового по этой теме вот уже десяти-

летия российское кино не может сказать. Все в прошлом. И это нормально.

С одной стороны, неумолим ход времени — невозможно относиться к событию, клонящемуся к вековой давности, так, словно это было вчера. Нельзя еще раз войти в воды ложной романтики войны, распустившейся в начале 60-х. Ни к чему бросаться в натурализм и голливудскую гигантоманию.

Надо уметь забывать. Памятливость хороша до того момента, пока она не душит жизнь, дает дорогу будущему. Здесь же получается, что целые поколения погружаются в мир кинопривидений. Дряблый мир вымученных режиссерских фантазий. В стране, ставшей затхлым углом современного мира.

Не снимайте больше фильмов о войне, российские режиссеры. Вы, конечно, не послушаете. Но все равно скажу вам — не снимайте.

«Эхо Москвы», 20 апреля 2010 года

ЗАПАХИ ВРЕМЕНИ

— И зачем, Алеша, большевики Царя убили? Такой он хороший был, красивый, — говорит в моем детстве прабабушка Саша.

— Откуда ты знаешь про Царя? — спрашиваю я, глядя на старую бабушкину Икону Николая Угодника, всю покрытую трещинками. Сижу, болтая ногами, в кресле. В окно дует ветер. На подоконнике лежит ароматный бабушкин нюхательный табак, дымок от чая в большой чашке клонится за ветром, словно сухой камыш на болоте. Рядом со мной в вазочке горбатятся отколотые от сахарной головы неровные кристаллы сахара и потеют сахарной пудрой щипцы. Бабушка пьет чай только вприкуску. Как в старые времена.

— А как же мне не знать? Я ведь его видела. И Царицу, Александру Федоровну вместе с ним. Вблизи, как тебя. Они через нашу деревню Сосенки проезжали, в Тулу. Я в молодости красивая была. И назвали меня Александрой, в честь Царицы. Отец-то мой Федор. Вот оделись мы нарядно, поставили нас в ряд. Царь с Царицей из кареты вышли, идут мимо. Он передо мной остановился и спросил, как меня звать. Я ему и сказала, что названа в честь Царицы. Он улыбнулся и дал мне 10 рублей. Я ему руку поцеловала.

А охраны-то у него всего два казака с пиками за каретой.

В детстве мне снилась иногда эта пара казаков, скачущих за пылящей по дороге каретой. Царь с Царицей, почему-то задумчиво сидящие в парадной одежде, глядящие в окно на русские поля и леса. Государь с раннего детства представлялся мне с аккуратной бородкой и усами. Милым, воспитанным человеком. Очень русским.

А вот и другая моя бабушка. Тоня. Иная квартира. Ковры и сердитые кресла сталинских времен. Сухо щелкающие часы на столе. Пугающий, настороженный, таинственный мир. Далеким от добрых детских сказок и деревенских историй прабабушки. Это не Россия, что-то чужое, еще непонятное. Картину смягчает оранжевый абажур с бахромой. «Абажур» звучит так плюшево, игрушечно и ласкающе, так тепло он вздыхает светом зажженной лампы, что глаза моргают и закрываются.

— Бабушка, расскажи про Сталина, — бормочу засыпая.

— Было это летом в Подлипках, где твой дядя был на даче от детского сада. Собирали мы цветы на лугу. Рядом проходила дорога. Останавливается машина и выходит из нее Сталин. Стоит и смотрит на нас. Мы с женщинами обомлели. Потом, подхватив цветы, бе-

гом к нему. Он улыбается, спрашивает про детский сад, как дети. Я ответила и хотела ему руку поцеловать. А он засмеялся, оторвал руку и пальцем мне грозит. А рука-то у него мягкая-мягкая.

И смеется мне из детства еще незнакомый Сталин с доброй улыбкой в усах, скромном зеленом кителе. Грозит мягкой, доброй рукой. Из машины с открытым верхом. Щурится на солнце. В окружении смеющихся, счастливых женщин в порхающих платьях и растрепанных венках на головах. Вокруг колышутся бескрайние травы, стрекочут кузнечики, обнимают мир солнце и ветер, глядят синими и белыми глазками полевые цветы. Мир запахов, звуков и счастья.

Время никуда не уходит. Оно прячется в предметы. И если подарить им тишину и покой, они оттаивают, начинают поскрипывать, двигать плечами, морщиться и чихать. Начинают отдавать свои тайны, раскрываться, показывать, что прошлого нет, все в настоящем. А иногда они стынут холодком и лежат рядами, как мороженая рыба. Чаще всего это происходит с монетами.

В моей семье в ведро с водой бросали серебряный советский полтинник 1924-го года. Мускулистый рабочий на аверсе бесстрашно бил молотом микробы. Однажды у него появился сосед достоинством в две рейхсмарки. Серебряный усатый Гинденбург с меш-

ками под глазами строго смотрел в темное будущее из 30-х годов. Рабочий как поднял на него в изумлении молоток, да так и застыл. На реверсе орел цепко держал в лапах дубовый венок со свастикой. Так и лежали в воде эти холодные кусочки металла, согласно позвякивая в опустошаемом ведре.

Запахи времени. Как не хватает их нам в нашей современной, стремящейся урвать и оторвать жизни. Любите старые предметы. Гладьте, ласкайте ваши воспоминания. Приходите в библиотеку, берите старые, начала прошлого века газеты. Открывайте подшивки, садитесь на ароматный «ять» и, слегка придерживаясь за перекладину, неторопливо гребите в теплом времени, разбирая руками полустертые мысли и события.

«Эхо Москвы», 24 апреля 2010 года

ВОССТАНИЕ КУЛЬТУРЫ

В московском пушкинском музее (не хочу употреблять слово «государственный») проходит выставка произведений армянской и русской живописи из музеев Армении. Это территория свободы и культуры. Именно свобода и культура — истинный центр тех перемен, которые необходимы нашей стране. Они и должны быть целью настоящей политической оппозиции.

Многие считают, что для перемен необходимо политическое действие. Отсюда наши усилия, направленные на то, чтобы сделать выборы честными, сформировать гражданские институты, устроить общество по-европейски, убрать дикость, мерзость, запустение из российской жизни. Но культура есть та атмосфера, в которой эти действия и должны существовать. Они должны ей одухотворяться. Проходящая в Москве выставка настоящий манифест того, что нужно России.

Сомневаюсь, что политик, любящий выставленную в пушкинском музее картину Фалька «Московский дворик» стал бы устраивать в Москве то, что сделано было за прошедшие годы лужковской администрацией. Так милы эти кривые разноцветные дома, снег под тянущимися к небу деревьями. Наша дорогая невысо-

кая, нескладная Москва, древняя столица, противостоящая геометрическому Петербургу. Нарисовано так, что стоящая на заднем плане зеленоватая стена дома будто бы дает центральному дереву крону. И она тут же разлетается мутновато-зелеными пятнами по другим деревьям. Тем, что пониже. Получается, что внизу снег, а наверху зелень. Сюрреалистическое сочетание зимнего холода и чахлой городской весны. Как бы Магритт по-русски — снизу ночь, горит фонарь, а наверху голубое небо.

А вот чудесный ночной пейзаж Сарьяна, нарисованный в Египте. Дома фосфорически светятся лунным светом. Краски мягкие, такие же нежные, как в гробницах Долины Царей. Пальмовая ветвь, темный силуэт животного на (вспомним Брюсова) эмалевой стене. Ах, какие здесь замечательные, глубокие тени и застывшее в целомудренном спокойствии дерево!

Пойдем дальше, мимо строгой, словно вымытой дождем картины Шагала, с яркой зеленью, жестяной водосточной трубой. Попадем в нежный майский сад Ларионова с рассыпанными по веткам яблоневыми цветами. А вот и Борисов-Мусатов в блеклых, мягких тонах погружает нас в мир летних раздумий.

И снова контрасты. Малявинская «Баба» кружит вихрем дьявольски ярких красок, прожигает насквозь, как горячо! Скорее бежать-бежать, потом

вернуться! И вот, как в тихом майском холодноватом лесу — безвольные, слабые краски, Добужинский. Здесь прелестный портрет Высоцкой Сомова, сами линии какие-то мечтательные, спинка кресла мерцает, переливается цветами. И это 1917 год. Тонкие розоватые губы Серебряковой, изящно лежащая в откинутой руке кисть. Улыбнемся, восхитимся, но пойдем в другую сторону и попадем в залу Царскосельского дворца. Торжественный выход Екатерины II Бенуа. Но здесь чарующая неправда.словно чудесный сон, воспоминание о веке восемнадцатом. Это совсем не имперская картина. Нет здесь строгости, торжественности, величия.

И, словно бы соглашаясь с нами, смотрит с противооложной стены портрет С.А. Грейга Крамского. Насуплено горят торжественным блеском ордена, золотисто топорщатся эполеты, георгиевская лента струится по шпаге.

Поверните голову направо и до вас долетят соленые брызги с картин Айвазовского. По правую руку бушует шторм в Ницце. Слева тянется по воде и слепит глаза полоса заката. А в центре в туманной дымке Ной спускается с горы Арарат.

Все это мир России. Век девятнадцатый, век двадцатый. Оставленное нам творцами прошлое. Быть может, силою судьбы призванное спасти страну. Кто зна-

ет, были бы мы народом, лишенным культуры, не было бы у нас такого прошлого, нашлись бы у нас сегодня силы? Ведь вот она — ласкающая глаз и сердце цветущая сложность! И, может быть, акт творения исторического прошлого России не закончен, он лишь спит в этих картинах, ждет, когда его поймут, воспримут, продолжат? Настоящая история — это живая история. Та, которую можно продолжить. Когда смотришь на молодые лица, пытливно вглядывающиеся в выставочные картины, веришь — у России есть будущее.

«Эхо Москвы», 18 сентября 2010 года

Алексей Юрьевич Мельников
УВЯДАНИЕ ПОЛИТИКИ И ВОССТАНИЕ КУЛЬТУРЫ

Подписано в печать 07.02.2011
Формат 70x100/32. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 3,5. Тираж 1500 экз.
Зак №112

Отпечатано с готовых диапозитивов в ООО «Галлея-принт»,
Москва, ул. 5-я Кабельная д. 2-Б.

Как это ни парадоксально звучит, но почти все опубликованные здесь статьи – историософские. О трагедии русской истории, преломленной в современной жизни. По существу Алексей Мельников защищает два тезиса. Первый: бессмысленно произносить правильные речи, выступать с красивыми декларациями и гордиться изданными законами, которые не соотносятся с реальностью. Нужно создавать, беречь и развивать реальные социальные институты: собственности, самоуправления, независимой судебной власти... То есть те институты, которые Россия уже имела и успешно совершенствовала в эпоху столыпинской модернизации. И второй: государство существует не для того, чтобы повседневная жизнь в нем напоминала рай, а для того, чтобы она не превратилась в ад. И автор логично завершает свои рассуждения: мы проиграем свои семьи, общество и страну без нравственного Ренессанса. И по существу, если быть честным до конца – без исполнения частного христианского долга. Бессмысленно стремиться к изменениям в современной России без изменения своей личной жизни.

Кирилл Александров, историк

Очень не люблю, когда авторы колонок с целью придания им бессмертия перепечатывают заметки разных лет в книжку. Мельников оказался счастливым исключением. Он сам и участник истории, и ее наблюдатель. Иногда похож на пилота, который томясь летит бессильным пассажиром, а иногда он берет штурвал, и есть горизонт. Короче, учебник истории за 2010 год благодаря мельниковской книжке можно не покупать.

Дмитрий Муратов, главный редактор «Новой газеты»

Алексей Мельников относится к редкому типу авторов, которые пишут не для того, чтобы понравится читателю. Во времена, когда политология и публицистика окончательно превратились в шоу-бизнес, он выбирает темы и интонации, которые сам считает нужными и полезными. Возможно, это единственная дорога, по которой стоит идти. Зная Алексея Мельникова, могу предположить, что он с нее не свернет.

Глеб Черкасов

9 785856 910758 >

